

В.Н. ВИНОГРАДОВ

ДВУГЛАВЫЙ
РОССИЙСКИЙ ОРЕЛ
НА БАЛКАНАХ
1683–1914

В. Н. Виноградов

**Двуглавый российский орел
на Балканах. 1683–1914**

«Индрик»

2010

УДК 94 (4) "17/19"
ББК 63.3(0)5

Виноградов В. Н.

Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914 /
В. Н. Виноградов — «Индрик», 2010

В 1683 году войска Турецкой империи осаждали Вену, а в 1914 году Турция встретила Первую мировую войну, будучи в Европе территориально прижатой к проливам Босфор и Дарданеллы. В 1684 году громадное большинство христианского населения Балкан пребывало в состоянии рабства (скота по-арабски), а в 1914 году оно проживало в независимых государствах. Освобождение заняло более двухсот лет. И каждый шаг на этом долгом и мучительном пути делался с опорой на Россию в ее противоборстве не только с Османской империей, но и с Великобританией, Австрией и временами с Францией. Десять Русско-турецких войн, одна из которых, Крымская, вылилась в европейскую с участием в ней на турецкой стороне Великобритании, Франции и Сардинии, являлись своего рода вехами на пути Балкан к свободе. Великая миссия России, коей посвящена эта книга, была завершена.

УДК 94 (4) "17/19"
ББК 63.3(0)5

© Виноградов В. Н., 2010
© Индрик, 2010

Содержание

Глава I	5
Глава II	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

В. Н. Виноградов

Двуглавый российский орел на Балканах. 1683-1914

Глава I

Крестовый поход Священной лиги четырех держав. Трагедия на реке Прут

1683 год – дата, знаменательная в истории Османской империи, Европы и всего тогдашнего мира: на эту дату приходится последнее восточное нашествие в османском варианте на континент. Турецкие завоеватели осадили Вену, добрались до сердца Европы и собирались утвердиться здесь прочно и надолго. В соседней Венгрии они хозяйничали уже полтора века, со времени правления султана Сулеймана Великолепного, учредив в стране Будайский эялет. Но терпение христианского мира иссякло, в 1684 году появилась Священная лига в составе Римской империи германской нации, Польского королевства и Венеции. Начался последний крестовый поход против представлявшейся безудержной османской экспансии. Собрались лучшие воинские силы того времени во главе с великим полководцем Евгением Савойским и лихим польским королем Яном Собеским. Венецианский флот господствовал в Средиземном море.

Русь не могла остаться в стороне от начавшегося противоборства. Она уже скрещивала оружие с Османской империей, а еще чаще с войском Крымского ханства, вассального владения Турецкой державы. Настал великий перелом, Европа из стороны обороняющейся превратилась в наступающую. Случались, особенно в веке восемнадцатом, и осечки на этом пути, приходилось и отступать, и выжидать, но если турки и достигали успеха, то лишь местного и временного. В XIX столетии от единого христианского лагеря остались одни воспоминания, в связи с усилением могущества России бывшие союзники превратились в соперников, покровителей и защитников султанской державы. Великую миссию освобождения балканских христиан от османского ига России пришлось выполнять в одиночестве и в борении не только с Высокой Портой, но и ее западными патронами. Если взять за точку отсчета 1683 год, то понадобилось 235 лет, чтобы прежняя многонациональная и поликонфессиональная империя превратилась в Турецкую республику. Но начало этого процесса пришлось на 80-ые годы семнадцатого века. 1683 год представляется нам обоснованной и достойной датой для начала труда о балканской политике России, в котором автор использует материалы своих прежних исследований. Итак, двуглавый орел на Балканах, 1683–1914.

* * *

Еще в 1475 году произошло событие, имевшее последствия поистине неисчислимы, предопределившее неизбежность русско-турецких войн: в Крыму высадились османские войска, ханство превратилось в вассала Турецкой державы, а Черное море – в ее внутреннее озеро. Произошло это накануне падения татаро-монгольского ига (1480 год), во время колоссального усиления Великого княжества Московского при Иване III Васильевиче, присоединившем к своим владениям псковские, ростовские, новгородские, тверские, вятские земли, распространившем свою власть на удельные княжества. Не упускал он возможности и сеять раздоры между татарами. В 1502 году его союзник, крымский хан Менгли Гирей разгромил Большую орду, наследницу Золотой, в результате чего необходимость лавирования между ордами отпала

и соседство с Крымом обернулось своими неприятными сторонами, которых было множество. Разбойничьи набеги на порубежные русские земли крымчане превратили в государственную политику, грабя жителей, сжигая села и города, уводя в полон население для продажи на невольничьих рынках Востока, только в первой половине XVII века – 200 тысяч душ. Княжеская, а потом и царская власть пошла на разорительные траты, соорудив Засечную черту, систему укреплений из лесных завалов и крепостей на стратегически важных направлениях по всему южному пограничью. Гиреев задабривали «поминками» (подарками), и немалыми, по сути – данью. «Поминки» принимались – набеги продолжались. К югу от черты лежало Дикое поле – широкая полоса плодородного чернозема, не знавшая сохи пахаря и заросшая высокой травой. И никакие набеги не могли пресечь «вторжение» крестьян на эти земли и их усилий превратить Дикое поле в обрабатываемое и цивилизованное. Это не рассматривалось как поползновение на нечто чужое. В историческом сознании не только в России, но и в Польше Причерноморье воспринималось как древнерусское владение. Опубликованный в конце XVI века трактат Ю. Верещинского был посвящен заселению земель в русских краях. По договору гетмана И. А. Выгодского (1658 год) они входили в состав Речи Посполитой как великое княжество Русское¹.

Движение на юг являлось закономерностью отечественной истории, и инициатива принадлежала пахарю. Южное направление внешней политики зародилось не только в царском дворце, но и в крестьянской избе. Отнюдь не случайным представляется эпизод, произошедший в 1637 году и поставивший на ноги дипломатию Турции, Польши и России. Донские казаки лихим налетом захватили крепость Азов в устье Дона, ибо, как справедливо заметил войсковой круг, «и с того де града Азова чинитца многие пакости Российскому государству». В ожидании неизбежного ответного удара со стороны османов донцы сели в осаду и послали гонца к царю Михаилу Федоровичу с радостной вестью о присовокуплении города к его державе.

В Боярской думе и Посольском приказе воцарилась не радость, а тревога: еще не зажили раны Смутного времени, очередная война с Польшей закончилась неудачей, Смоленск вернуть не удалось, а тут атаманы вовлекают в ссору с Османской империей. На созванном Земском соборе голоса разделились, возобладало мнение благоразумных и осторожных: конфликт следует погасить². Пять лет длились переговоры с Высокой Портой, столько времени потребовалось, чтобы распутать завязанный предприимчивыми казаками в одночасье узел. Думе удалось, задоблив донцов ружьями, порохом и сукном на кафтаны, уговорить их покинуть полуразрушенный Азов. До вооруженного столкновения с турками тогда дело не дошло. Одолевали заботы и хлопоты в другом направлении. За вхождением Левобережной Украины в состав России (1654 год) последовала тринадцатилетняя война с Польшей (1654–1667 годы), в которой в 1656–1658 годах пришлось сражаться и со Швецией. Война выдалась затяжная, изматывающая, сопровождавшаяся татарскими набегами. Гетман Юрий Хмельницкий, сын Богдана, переметнулся на польскую сторону. И все же по Андрусовскому договору Москве удалось добиться возвращения Смоленска, Дорогобужа, Невеля, Чернигова, Стародуба. Польша признала вхождение Левобережной Украины в состав России³, но ее обладание Киевом ограничивалось двумя годами, а Запорожье подлежало совместному управлению двух государств. Обе стороны давали себе отчет в том, что в плане стратегическом они заинтересованы в отпоре османской экспансии. Идя по этому пути, Москва в 1681 году, после новой войны с турками, добилась согласия Порты на присоединение Левобережной Украины и Киева к России. Но

¹ Аршакова А.М. Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI века. М., 2000. С. 8; История внешней политики России XV–XVIII в. М., 2000. С. 317

² Разин Е. А. История военного искусства. М., 1962. Т. 3. С. 230–235

³ Савин Г. А. Порта, Крым и страны Восточной Европы // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 70–71

обусловленный Андрусовским договором срок владения Киевом истек, передача его Польше не состоялась, и в отношениях Москвы и Варшавы появилось яблоко раздора. А в России после смерти Алексея Михайловича и его сына Федора десятилетний царь Петр делил престол со слабым телом и хилым умом братом Иваном, бразды правления взяла в свои руки сестра Софья, клан Нарышкиных ссорился с кланом Милославских, стрельцы своевольничали и бунтовали.

В это время на Западе готовилось великое – последний крестовый поход христианской Европы, назревала война с Османской империей, раздвинувшей свои границы до Венгрии. Россия была кровно заинтересована в отпоре Турецкой державе, но не готова к участию в коалиции по причине напряженных отношений с Польшей.

Инициатива в развязывании конфликта принадлежала турецкой стороне. Ситуация представлялась великому везиру Кара Мустафе, человеку решительному, честолюбивому и тщеславному, вполне благоприятной для нанесения удара: Венеция еще не оправилась от поражения в ходе долголетней войны (1645–1669 годы) с османами, в которой утратила остров Крит; Венгрии как единого целого не существовало, ее делили Турция, Римский император и мятежный магнат Имре Теколи. Могущественный король Франции Людовик XIV являлся смертельным врагом австрийского кайзера Леопольда и потенциальным союзником Высокой Порты. Войска во главе со знаменитыми полководцами А. Тюренном, С. Вобаном и А. Конде сражались в разных комбинациях с армиями Англии, Голландии, Швеции, Испании, Бранденбурга, Австрии и отдельных немецких княжеств. Людовику в это время удалось присоединить Лилль, 9 бельгийских городов, Мец, Туль, Верден, столицу Эльзаса Страсбург, он выгнал из Нанси герцога Лотарингии, входившей тогда в Германскую империю, и был заинтересован в том, чтобы отвлечь силы императора Леопольда на восток. Тайком он наускивал Порту на Австрию и писал своему послу Стамбул: «Решение султана выступить против Венгрии может прекрасно способствовать сохранению мира во всей Германии, или, по крайней мере, воспрепятствует тому, чтобы император бросил все войска на Рейн»⁴.

Не от хорошей жизни османы ринулись вперед. Империя находилась в жесточайшем системном кризисе, разваливалась тимарная система землевладения – основа основ хозяйственной жизни государства и экономический фундамент вооруженных сил султаната. Вся земля принадлежала падишаху и делилась на участки, тимары и зеаметы, которые представлялись сипахи, кавалеристам, за службу в войске и на ее срок. Крестьян с земли не сгоняли, их обязанности по отношению к тимариоту в классический период истории (до конца XVI века) были строго регламентированы: трудовая повинность – три дня в год. При приезде «хозяина» община содержала его самого и его боевого коня три дня, на слуг эта повинность не распространялась. В его пользу шла также часть взимаемых с крестьян налогов. Система функционировала гладко, пока империя распространялась: завоевывались все новые и новые земли, нарезались тысячи и тысячи тимаров. В XVII столетии завоевания стали сокращаться, а потом и прекращаться, и сельское хозяйство, базировавшееся на сохе, косе и мотыге, забуксовало. Поскольку все сущее устанавливалось Аллахом и смене не подлежало, идея эволюции, в том числе развития и усовершенствования средств производства, застревала в закоулках мысли, понятия прогресса и обновления отсутствовали. Ревнители старины давали отпор любой попытке выйти за рамки привычных представлений, рассматривая это как посягательство на предначертания свыше. Усомнившихся в истинах Корана ожидала смерть.

Экономический прогресс обошел Османскую империю стороной. Открытие Ост-Индии и Америки переместило основные пути транзитной торговли из Средиземного моря в Атлантический и Тихий океаны. Таможенные поступления снизились вдвое. Поток золота и серебра, хлынувший из Латинской Америки, привел к революции цен. Началась порча монеты. Поступления в казну упали, то же самое, в миниатюре, происходило в хозяйстве каждого тимариота,

⁴ Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги во главе войны с османами 1683–1699 г. // Османская империя и страны... С. 243

получавшего фиксированную и пересматривавшуюся раз в 20–30 лет ренту. И конные сипахи утрачивали интерес к походам – ни побед, ни завоеваний, ни добычи, и стремились превратить тимар в частную собственность, в чифтлик, отлынивали от военной службы, превращались в домоседов. В XVI веке Порта могла выставить на поле боя 230 тысяч первоклассных кавалеристов, в XVIII веке – всего 50 тысяч⁵, которые по-прежнему предпочитали сражаться холодным оружием и неохотно переходили на чадающий самопал. Их эффективность в боях с вымуштрованной, обученной строю немецкой и венгерской пехотой резко упала. Изживал себя страшный налог на мальчиков из христианских семей, девширме, которых воспитывали в духе мусульманского фанатизма и превращали в янычар, составлявших ударную силу пехоты. К середине XVII столетия к девширме стали прибегать все реже. Могучее янычарское войско переродилось. Был предан забвению обет безбрачия. В корпус хлынули турки в погоне за полуголыми привилегиями, включая освобождение от налогов. Жалование выдавалось нерегулярно, янычары стали обзаводиться лавочками и мастерскими, многие из них уваливали даже от явки на смотры, не говоря уже об участии в походах. При Селиме III в списках числилось 400 тысяч янычар, а служили едва 50 тысяч⁶.

Но Высокая Порта не видела иного способа восстановить боеспособность войска, кроме как расширив его состав, пополнив запас тимарных земель, так что страсть к завоеваниям имела под собой материальную почву. В качестве добычи особо лакомыми представлялись австрийские владения – хорошо обработанные, тщательно ухоженные земли: приходи и устанавливай свои порядки! Раем для гяуров называл хронист Х. Хезарфен окрестности Вены. Попытки насадить тимарную систему в малонаселенной Подолии с целинными землями с треском провалились, поскольку слишком много труда и денег они требовали. Предаваясь завоевательным расчетам, сочинители как-то забывали, что даже на прежнем пространстве империи не хватало сил для установления прямого султанского правления и распространения тимарной системы по всему периметру соприкосновения с внешним миром. В Европе той или иной степенью автономии и самостоятельности обладали Дубровник (Рагуза), Дунайские княжества, Молдавия и Валахия, Трансильвания. Черногорцы упорно отстаивали свою фактическую независимость, жители горных районов Греции вообще редко соприкасались с турецкими властями. Существование православного миллета (общины) признавалось официально, и главой ее являлся Константинопольский патриарх, имевший чин трехбунчужного паши (полного генерала по-европейски) и звание везира. Но духовно христиане никогда не смирялись с мусульманским владычеством. Весь прежний строй жизни, верований и идеалов по заветам Евангелия и нормам обычного права оставался в силе. Великая заслуга православной церкви заключалась в том, что она способствовала сохранению языка, культуры, этнического лица сербов, болгар, греков, молдаван и валахов. Они слышали в храмах проповеди и молились на родном языке. В монастырях составлялись летописи, напоминавшие о былом величии, о Византийской империи, о двух болгарских царствах, о державе Неманичей у сербов, о правлении Штефана Великого в Молдавии и Михая Витязя в Валахии. А теперь же они – райа (стадо по-арабски) у агареян. И когда пришло время восстаний, пастыри с крестом в руке шли в рядах борцов. И не случайно очаги волнений возникали прежде всего в контактных с внешним миром зонах – у сербов, многочисленные сородичи которых проживали в австрийских владениях, у греков, чьи колонии раскинулись по всей Европе от Лондона до Нежина, у молдаван и валахов, мечтавших скрыться под крылом двуглавого российского орла.

Внимательно следя за непрекращающимися междоусобицами в христианском лагере, в Стамбуле пришли к выводу, что объединенного отпора опасаться нечего. И в этом заключался грубейший просчет. Утверждения знамени пророка в Вене, хозяйничанья османов в сердце

⁵ Sugar P. *Southeastern Europe under Ottoman Rule*. Seattle; L., 1977. P. 193, 241

⁶ Inalcik H. *The Ottoman Empire, The Classical Period 1300–1600*. L., 1973. P. 98

Европы не желал допускать никто. Даже Людовик XIV опасался выступать в амплуа их пособника и отклонил предложение Порты о союзе. Кайзер Леопольд предпринял в 1682 году осторожный мирный зондаж в Стамбуле. Турки в качестве платы за сохранение мира потребовали передать им ряд пограничных крепостей, в том числе твердыню Дьер на пути к Вене.

31 марта 1683 года император Леопольд и польский король Ян III Собеский заключили оборонительный и наступательный союз против Высокой Порты, согласно которому они выставляли армии в 60 и 40 тысяч человек. Действовать стороны предполагали на разных участках, совместные операции предусматривались лишь в случае угрозы Вене или Варшаве. И, что важно отметить, договор содержал статью, запрещающую заключение сепаратного мира.

Кипучую деятельность по сплочению сил христианского мира развил папа Иннокентий XI, в молодости сражавшийся с османами с мечом в руке. Его можно назвать крестным отцом Священной лиги. Папские легаты способствовали сближению между Леопольдом и Яном Собеским, рассеивали недоверие между Австрией и Венецией, примиряли Речь Посполитую с Московским государством. Иннокентий щедро финансировал союзников: Леопольд получил по подписанию договора 400 тысяч талеров, Собеский – на 100 тысяч больше⁷. Папа разрешил продажу трети церковного имущества в габсбургских землях и получал кредиты от итальянских, немецких и нидерландских банкиров под церковные доходы.

В самый день заключения австро-польского союза Высокая Порта объявила ему войну с соблюдением всего полагавшегося церемониала: чтением фетвы шейх-уль-ислама, вручением Кара-Мустафе зеленого знамени пророка. Вену весть застала врасплох, шли споры насчет жалования солдатам и хлебных рационов, а также, что еще важнее, фигуры главнокомандующего. У Леопольда хватило благоразумия не искать лавров полководца, в военном деле он слыл полным профаном. Выбор пал на Карла Лотарингского, изгнанного Людовиком XIV из своих владений, – выдающегося стратега и военачальника, обладавшего обманчивой внешнестью: невысокий, тщедушный, длинный нос нависал у него над подбородком, ходил обычно с скромном коричневом костюме.

Двухсоттысячная армия Кара-Мустафы представлялась грозной силой, он спешил (воевали тогда только по октябрь, и отправлялись на зимние квартиры) и двинулся прямо на Вену, не обременяя себя осадой попутных крепостей. Стамбульские стратеги недооценили преобразований европейцев в военном деле. На смену тяжелому, редко стрелявшему мушкету пришло кремневое ружье со штыком. Прежнее деление пехоты на стрелков и копейщиков изжило себя. Широкое распространение получили ручные гранаты, в полках появились рослые солдаты-гренадеры. Облегчались и усовершенствовались пушки. Высокой степени развития достигло фортификационное искусство, вокруг крепостных стен сооружались редуты и бастионы. Бешеному натиску кавалерии сипахи стали противопоставлять эшелонированную в четыре ряда пехоту, поддерживаемую с флангов перекрестным артиллерийским огнем. Против янычар использовалась тяжелая кавалерия кирасиров.

Османское войско впечатляло своей численностью, но на нем лежала печать тления державы. Исследователи полагают, что боеспособного состава насчитывалось 90 тысяч человек. В арьергарде шли вспомогательные отряды молдаван и валахов, несшие хоругви с изображением Богородицы, не расположенные защищать знамя с полумесяцем. Фланги охранялись крымской конницей, опустошавшей окрестности на много верст вокруг и лишавшей тем самым войско необходимого ему продовольствия и фуража.

Император Леопольд с семьей загодя покинул столицу, провожаемый недобрыми взглядами, а то и язвительными замечаниями подданных. Августейшие беглецы погостили в Линце, а затем перебрались в Пассау. Оставшимся в Вене гарнизоном командовал опытный и отваж-

⁷ Gaber S. Et Charles Varreta la marche des turks. Nancy, 1986. P. 77

ный граф Р. Штаремберг. Сердца жителей дрогнули, когда они с высоты крепостных стен увидели десятки тысяч костров и палаток.

Осада началась в июле, один приступ следовал за другим, Кара-Мустафа хотел одержать победу до того, как к Вене подтянутся союзные силы. 3 августа удалось пробить брешь в стене, Штаремберг стал готовиться к уличным боям. Но и турки устали от траншейных работ, постоянных схваток, болезни уносили больше людей, чем сражения, убыль в личном составе достигла 50 тысяч человек, но в строю еще оставались 150 тысяч. А к союзникам подтягивались полки саксонцев, баварцев, баденцев, швабов, франконцев, всего удалось собрать 70 тысяч солдат и офицеров. 12 сентября Карл Лотарингский и Ян Собеский дали бой. Карл пробился к лагерю осаждавших, разметав охранявших подступы к нему татар, молдаван и валахов, особого упорства не проявивших. Решающую роль сыграла атака польской кавалерии во главе с удалым королем, врезавшаяся в ряды янычар и опрокинувшая их строй. Кара-Мустафа отступал до Белграда, где его ждали палачи. Казнили его, как полагалось казнить особу столь высокого ранга, – задушив шелковым шнурком.

В Европе воцарилось воодушевление: неужели рассеялся кошмар нашествий, висевший над христианами 300 лет? А фронт союзников стал давать трещины, всплыли старые ссоры и раздоры. Поляки, баварцы и саксонцы удалились в свои края. Испанские Габсбурги оказывали сильное давление на Леопольда, требуя замирения с турками – авось те после разгрома успокоятся, надо сосредоточить силы на Рейне для противодействия притязаниям Людовика XIV. Антиосманское крыло в австрийской правящей элите имело сильного покровителя в лице папы Иннокентия XI. После долгих колебаний император принял судьбоносное решение – продолжать борьбу. К союзу удалось привлечь Венецию.

5 марта 1684 года в Линце был подписан договор между Австрией, Польшей и Венецианской республикой, четвертым участником выступал римский папа. Родилась Священная лига. Ее члены обязались воевать против Высокой Порты до подписания с ней почетного мира и не идти на сепаратные сделки. Австрийцы должны были вести операции в Венгрии, поляки – в Подолии, венецианцы – в Адриатическом и Эгейском морях и в Далмации. Иннокентий XI участвовал в войне своими галерами, а главное – деньгами и авторитетом. Россия примкнула к лиге через два года, уладив дела с Польшей.

Целью операций в Венгрии являлось взятие Буды, оплота турок в Центральной Европе, стратегической позиции, на которую опиралась цепь крепостей. С ее взятием выходила из строя вся система османской обороны, а австрийцы становились хозяевами судоходства по Дунаю. Леопольд устанавливал контроль над всей Венгрией и выполнял обещание своего предка Фердинанда, данное за полтора столетия до описываемых событий, – изгнать турок из страны и объединить ее.

Бои затянулись, взять с ходу Буду не удалось. Потеряв 24 тысячи человек убитыми, ранеными и умершими от болезней, австрийцы и баварцы сняли осаду крепости. Не принес успеха и 1685 год, хотя имперские войска получили пополнения из немецких княжеств и их численность достигла 120 тысяч. Контингент польских войск, действовавших на Украине и в Молдавии, напротив, уменьшился до 20–25 тысяч по причине финансовой слабости Речи Посполитой и раздорам между короной и магнатами, а также особой позиции литовской знати, выступавшей за мир и союз с Москвой. Венгрия подверглась страшному опустошению, армии обеих сторон как бы состязались в жестокости и лихоимстве. Особенно свирепствовал имперский генерал Э. Караффа, называвший себя «бичом мадьяр». Его солдаты «предавали всех мечу, не разбирая возраста и пола, не обращая внимания на стоны и слезы, не щадя несчастных, умолявших их на коленях о пощаде»⁸.

⁸ Ibid. P. 90

Решающие успехи принес 1686 год, удача избрала Карла Лотарингского своим фаворитом. Имперский рейхстаг выделил Леопольду «турецкую помощь» в 2 миллиона 750 тысяч флоринов. К лиге примкнула Россия. Военная слабость и внутренние раздоры в Речи Посполитой привели к тому, что союзники все менее считались с королем Яном Собеским. В Варшаве росло стремление урегулировать отношения с восточным соседом и с его помощью оторвать Крымское ханство от Высокой Порты и прекратить татарские набеги. Пришлось пойти навстречу требованиям Москвы. В апреле был подписан договор о «вечном мире» между Россией и Польшей, по которому Варшава согласилась наконец признать не временный, а безусловный переход Киева с округой в состав Российского государства. Москва закрепляла за собой Смоленск, Левобережную Украину, Киев с землями между реками Ирпенем и Стугной с городками Васильков, Стайки, Триполье, Запорожье. Россия выплачивала Речи Посполитой 146 тысяч рублей. Православные епископы в Польше и Литве подчинялись киевскому митрополиту, предусматривалась свобода православия в Речи Посполитой. Что касается католиков в России, их права обрисовывались скромнее, говорилось о свободе отправления культа в домашней обстановке. Стороны заключили наступательный союз против Крымского ханства и Османской империи на время войны и оборонительный навечно. Попытки Яна Собеского побудить царевну Софью и князя Василия Васильевича Голицына предпринять в том же 1686 году поход против Крыма успехом не увенчались: они ссылались на необходимость тщательной подготовки операции и обещали лишь препятствовать татарским набегам на польско-литовские земли. Полномасштабное выступление против Крыма намечалось на 1687 год, что и было зафиксировано в договоре⁹.

В июне 1686 года Карл Лотарингский двинулся к Буде во главе армии в 40 тысяч пехоты, состоявшей из имперских контингентов, бранденбургских, швабских и франконских полков. Отдельной колонной и по другой дороге шел баварский корпус (22 тысячи бойцов) Максимилиана, не желавшего подчиняться Карлу. Прибывали волонтеры – итальянцы, испанцы, португальцы, французы, голландцы, англичане. Английский король Яков II приказал своему сыну прервать учебу в Сорбонне и надеть мундир.

18 июня союзные войска окружили Буду. Кольцо осады постепенно сжималось. Удалось захватить господствующую над городом высоту Геллерт. Крепостные стены были разрушены артиллерийским огнем до такой степени, что турки не решались устанавливать на них пушки. Великий везир Сулейман, двигавшийся с войском на выручку городу, по пути потерпел поражение, пробиваться к Буде не решился и в бессилии наблюдал за общим штурмом 2 сентября.

Хотя от гарнизона осталось всего 5 тысяч человек, он сопротивлялся упорно; резня на улицах произошла страшная, комендант Абдурахман с горсткой уцелевших сражался до конца и пал с саблей в руке.

Назвать происшедшее освобождением не поворачивается язык. Озверевшая солдатня предала Буду мечам и пожарам, особенно свирепствовали ворвавшиеся в нее первыми баварцы. Грабили и убивали всех подряд – мусульман, христиан, иудеев. Многие евреи хотели скрыться на кораблях, стоявших на Дунае, но их схватили и предали смерти, а их имущество присвоили. Часть своих единоверцев спас банкир С. Оппенгеймер за большой выкуп.

Впечатление от победы было потрясающим, наконец-то европейцы избавились от турецкой угрозы, висевшей дамокловым мечом сотни лет, некоторые оптимисты размышляли об изгнании османов в Азию. Карл Лотарингский взял Шипош, Печ, Капошвар, Сегед. В 1687 году успехи продолжились. В августе полководец разгромил армию великого везира в битве у местечка Надьхаршань, в которой особо отличился Евгений Савойский. Во главе полка цесарской конницы он ворвался в ряды стойко оборонявшейся неприятельской пехоты и обратил

⁹ Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны... С. 300

ее в бегство. После этой победы оставшиеся в Венгрии крепости почти все сдались без сопротивления. Мадьярское дворянство спешило загладить грех неповиновения. Леопольд вырывал оппозицию с корнем. Венгрию он рассматривал как неприятельскую страну, и свои грабили и опустошали ее так же беспощадно, как чужие. На объявленную еще в 1684 года амнистию власти не обращали внимания: «Эпоха реконкисты имела свои теневые стороны, – признавал В. Тапье, – офицеры и солдаты армии обращались с освобожденным населением с неслыханной жестокостью, занимались вымогательством, грабежом в такой степени, что, как это ни парадоксально, не раз заставляли жалеть (об уходе) турок»¹⁰. На этом мрачном фоне Леопольд утвердил свою власть в стране. Государственное собрание в Пожони (ныне Братислава) безропотно подчинилось его воле: был отменен обычай избрания венгерских королей, престол был утвержден за родом Габсбургов по мужской линии, сословия отказались от древнего (с 1222 года) права оказывать сопротивление монарху, который освободил себя от обязанности регулярно созывать собрание.

В 1687 году Россия, связанная с лигой договором с одной только Польшей, внесла свой вклад в общее христианское дело. Еще в конце прошедшего года по городам огласили указ великих государей Ивана и Петра, от имени которых правила царевна Софья, о сборе ратных людей для похода на Крым. Призванные под знамена не спешили, многие оказались в нетчиках (беглецах). Воеводой большого полка (главнокомандующим) назначили князя Василия Васильевича Голицына, царевнина фаворита, крупного государственного деятеля и дипломата, но полководца никудышного.

Великолепный роман Алексея Толстого «Петр Первый» рисует картину беспробудной отсталости Руси времен Алексея Михайловича и его сына Федора. Это далеко не так. Именно тогда произошло объединение с Украиной и велось освоение Сибири. Преобразования коснулись и вооруженных сил. Собравшееся в поход войско на 2/3 состояло из полков иноземного строя, солдатских, рейтарских и гусарских. Но и прорех в организации обнаружилось предостаточно. По разрядной росписи войско насчитывало 113 тысяч пеших и конных плюс 50 тысяч донских казаков и запорожцев¹¹. На самом деле в пунктах сбора на реке Самаре собралось 100 тысяч. С советом гетмана И. Самойловича – выступать ранней весной, когда в степи зеленеет травка, подножный корм для конского состава, – не посчитались, через реку Конские Воды рать переправилась и вступила на землю Крымского ханства лишь в середине июня 1687 года. Солнце палило, кругом – безводная степь да силуэты конных крымцев на горизонте. Вскоре степь заволочло дымом – татары подожгли сухую траву. Выгорела полоса растительности в 200 верст шириной, образовав своего рода оборонительный рубеж на подступах к Перекопу. Конница, обозные и артиллерийские лошади лишились корма. Военный совет высказался за прекращение похода, и большой воевода В. В. Голицын приказал отступать. Итог – десятки тысяч ратников умерли не от ядер, пуль и стрел, а от жажды, истощения и болезней.

В 1689 году князь вторично пытался пробиться в Крым. Выступили рано, в марте. Весна, как на зло, выдалась дождливая. Люди с трудом шли по грязи, колеса артиллерийских лафетов и обозных телег увязали в ней по ступицу. Узкий (7 верст) Перекопский перешеек татары превратили в мощный оборонительный рубеж: глубокий ров, за ним – земляной вал с семью опорными башнями обороны, за которыми – цитадель с десятками пушек. Наступила жара, люди маялись от недостатка хлеба и пресной воды. Князь Голицын запросил воевод: что делать? Те отвечали: «Служить и кровь свою пролить готовы, только от безводья и бесхлебья занедужились, промыслить под Перекопом нельзя, и отступить бы прочь»¹². На штурм перешейка Голицын не решился и распорядился отходить. Татары восемь дней преследовали войско. Царевна

¹⁰ Tapre V. S. Monarchie et les peuples du Danube. P., 1969. P. 165

¹¹ Разин Е. А. Указ. соч. С. 253–256

¹² Там же. С. 262

Софья попыталась было наградить своего любимца. Юный царь Петр отказался подписать соответствующий указ. Он обретал самостоятельность.

Несмотря на неудачу, походы на Крым внесли весомый вклад в общие усилия членов Священной лиги. Они отвлекли стотысячное крымское войско от операций на Балканах и тем способствовали успеху армий Австрии, Польши и Венеции. Однако в глазах кайзера Леопольда, короля Яна Собеского и венецианского дожа московиты выглядели неудачниками.

Успехи союзников на Балканах продолжались. В 1687 году кайзер Леопольд обратился с воззванием к жителям полуострова, призывая их выступить против угнетателей. Обращение встретило отклик в Боснии, Сербии и Болгарии. Сербь, по словам патриарха Арсения Черноевича, «выставили 19 тысяч конного и пешего войска» и развернули партизанскую войну в тылу османской армии¹³. Соппротивление турок слабело, осенью 1688 года сравнительно легко был взят Белград, важнейший стратегический пункт, место сосредоточения войск султаната для удара в сердце Европы. В городе удалось захватить много складов со снаряжением и продовольствием. Путь в глубь Балкан был открыт. Армией лиги в Сербии командовал Макс Эммануил Баварский. Людвиг Баденский прорвался из Венгрии в Боснию. Венецианцы заняли Афины, что произвело большое впечатление во всей Европе, хотя прославленный город превратился к тому времени в захудалое местечко. На севере Болгарии вспыхнуло восстание (Второе Тырновское). В Вене предавались размышлениям о занятии Герцеговины и Далмации. Но тут в события вмешался неумный Людовик XIV, развязавший третью в его царствование завоевательную войну, на сей раз за пфальцское наследство. Его поползновение на европейскую гегемонию привело к созданию Аугсбургской лиги (Голландия, германский император, Швеция, Испания, Бавария, Саксония, с 1689 года – Англия). Война растянулась на девять лет, на границу с Францией пришлось перебросить многие полки с Балкан, на Рейн отправились опытные полководцы Карл Лотарингский и Макс Баварский. Но самым тяжелым ударом для Священной лиги явилась смерть Иннокентия XI, ее вдохновителя и казначея. Преемник, Александр VII, выдающимися качествами не обладал. Денежный поток из Рима нельзя сказать чтоб иссяк, но обмелел, что отразилось пагубным образом на численности и состоянии боевого духа христианского воинства.

Турки оправились. Новый великий везир Мустафа из знаменитого албанского рода Кепрюлю в 1690 году вытеснил неприятеля с Балкан. Начался террор, особенно жестокий в Старой Сербии, в Косове. «Все эти земли опустели, – печалился летописец, – церкви божий сожжены, монастыри ограблены и разорены совершенно, люди перебиты, женщины и юноши взяты в плен, настало худшее разорение и пленение...» Самой тяжелой потерей явилась сдача Белграда, в души робких вселился страх: а не придется ли снова думать о защите Вены?

Произошел великий исход сербского населения, охваченного ужасом перед неминуемой местью турок. 40 тысяч семей, с детьми, домашним скарбом и скотом, всего более 100 тысяч душ, покинули родные места и двинулись в неведомые края¹⁴. Шли пастыри, несли кресты и иконы. Возглавлял переселение Печский патриарх Арсений Черноевич. А на покинутые земли, в Старую Сербию, ныне именуемые обычно Косовом, мигрировали албанцы. Далеко в глубь истории уходят корни конфликтов, сотрясающих ныне Сербию!

Император Леопольд благосклонно принял переселенцев, обещал предоставить им землю, уважать православную веру, разрешил им жить по прежним законам и обычаям. Венский двор достигал сразу двух целей: заселял и возрождал хозяйственную жизнь в опустошенных и обезлюдевших южных комитатах Венгрии; приобретал первоклассную воинскую силу. Новоприбывшие становились граничарами, военными поселенцами, охранявшими порубежье

¹³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1986. С. 22

¹⁴ Достян И. С. Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей... // Османская империя и страны... С. 367; Богословский ММ. Петр 1. М., 1941. Т. 2. С. 507–508

с Турцией. Они освобождались от всех налогов и несли лишь охранную службу. Жалованье полагалось только офицерам.

Остановить османский натиск удалось в сражении при Саланкеменце в августе 1691 года, одном из самых кровопролитных в жестоком XVII веке. Турки потеряли в нем 19 тысяч человек, в том числе великого везира Мустафу-пашу, у христиан число павших и раненых достигло 7 тысяч, а Людвиг Баденский увенчал себя лаврами полководца.

Наступило затишье до 1695 года, стороны истощили свои силы. Первыми пришли в себя османы и в битве при Лугоже разгромили имперские войска. Леопольду пришлось обратиться за помощью к курфюрсту Саксонскому Фридриху Августу. Тот дал согласие, однако потребовал для себя пост главнокомандующего, хотя даром полководца не обладал. Но Вене повезло: курфюрст был избран на польский престол под именем Августа II, с легкостью перейдя для этого из лютеранства в католичество. Генералиссимусом союзных армий стал Евгений Савойский, участник обороны Вены, чье полководческое дарование сомнений не вызывало. Полуфранцуз-полуитальянец с примесью немецкой крови (он даже подписывался «Эугенио фон Савоя»), пятый сын Олимпии Манчини, племянницы кардинала Д. Мазарини, он от родителей не унаследовал ничего, даже прославленной красоты матери – небольшого роста, невзрачный, хотя и державшийся с большим достоинством, смолоду бедный, как церковная мышь. Увлеченный борьбой с османским нашествием, он бежал из Парижа и сделал блестящую карьеру под знаменами императора.

К тому времени война за пфальцское наследство затухала, одолеть пол-Европы маршалы Людовика XIV оказались не в состоянии.

Участники Священной лиги получили возможность сосредоточить на Балканах большие силы. Имперский сейм ввел налог на войну по всей Германии; Саксония, Швабия, Бранденбург, Бавария выделили контингенты. Духовенство пожертвовало часть своих доходов. Венеция строила суда и спешно подбирала экипажи.

Армия двинулась вниз по течению Дуная. 11 сентября 1697 года у местечка Зента, у моста через Тису, произошло генеральное сражение. Принц Евгений воспользовался тем, что силы противника оказались разделенными рекой, обрушил артиллерийский огонь на пехоту, оставшуюся за Тисой, а сам атаковал тех, кто успел переправиться. 20 тысяч турок пали в битве, в числе их и великий везир. Султан Ахмед в бессилии наблюдал с другого берега реки за гибелью армии и ударился в бегство, оставив в добычу победителям даже личные вещи. На следующий день Евгений Савойский проснулся признанным великим полководцем. Король Людовик XIV, получив вести о Зенте, перестал затягивать мирные переговоры, и по Рисвикскому миру (сентябрь–ноябрь 1697 года) уступил большую часть прежде завоеванных земель, включая Лотарингию¹⁵.

Ободряющие вести приходили и из Москвы. Азовские походы Петра I окружены легендой: начало великих дел. Мы здесь и в дальнейшем намерены строго придерживаться истины – ни восторгов, ни уничижительных оценок. Итоги первой кампании (1695 год) – взяты две «каланчи», башни по берегам реки, между которыми протянута цепь, препятствующая выходу судов в море. Трофеи – одно знамя, одна пушка, один пленный. Всю зиму на верфях в Воронеже стучали топоры, визжали пилы, корабль за кораблем спускался на воду и отплывал вниз по Дону. Азов в 1696 году был занят. В Москве предавались торжеству. Но ведь Азов – всего лишь провинциальная крепость на далекой периферии Османской империи. Сколько их надо взять, чтобы пробиться к открытому морю, – Кинбурн, Очаков, Бендеры, Хотин, Измаил, Брэила (Браилов), Джурджу (Журжево), Силистрия.

Умом государственного деятеля Петр сознавал: необходима акция европейского значения, следует влить свежие силы в Священную лигу, доказать свою необходимость для победы,

¹⁵ Подр. см.: Priesdorf K. Prinz Eugen. Hamburg, 1940

чтобы добиться цели. Прозорливость молодого царя, его способность масштабно мыслить и ставить стратегические задачи на много лет вперед проявились в том, что он уже тогда включал в состав антиосманских сил балканские, и прежде всего южнославянские народы. Весь юг и даже центр России в плане экономическом заинтересован в прорыве к Черному морю и далее, через проливы Босфор и Дарданеллы, к открытому океану. Этим путем на западные рынки должно хлынуть зерно со сказочно плодородных черноземных полей. Прорыв мыслился в сочетании с богоугодным делом освобождения христиан Юго-Восточной Европы. Царь писал патриарху Адриану о своих трудах (10/21 сентября 1697 года): «Чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно, возвратяся против врагов имени Иисус Христа победителями, а христиан тамо будущщ освободителями благодатию Его быть»¹⁶.

Нашупывались пути проникновения на Балканы, к тамошним христианам направлялись эмиссары. В головах у дьяков, сочинявших «наказные статьи», еще царил туман. Так, капитану Г. Островскому (октябрь 1697 года) велено было ехать «в земли и места, ближе и податнее до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли». Островский до таинственной Шклявонии добираться не стал, а осел в Венеции и там собирал сведения о Балканах.

Гораздо больший интерес представляют путевые дневники стольника П. А. Толстого, в будущем графа, видного государственного деятеля и дипломата. Он осел в Дубровнике (Рагузе). Его послания можно рассматривать и как впечатления путешественника, и как размышления разведчика о стратегическом значении Дубровника¹⁷.

Великое посольство 1697–1698 годов – выдающееся событие в летописи сношений отечества с Западом, по словам британского историка Г. Маколея, – эпоха в истории всего человечества¹⁸. Но нельзя забывать, что непосредственной целью посольства являлось упрочение антитурецкого союза, «подтверждение дружбы и любви, ослабление врагов Креста Господня, султана турецкого, хана Крымского и всех бусурманских орд»¹⁹. Послы информировали союзников об операциях российских войск в низовьях Днепра, взятии Таванской и еще трех небольших крепостей. Весть о великой победе при Зенте Петр встретил неоднозначно. Он отправил Леопольду полагавшееся поздравление, но заподозрил, что австрийцы воспользуются триумфом для заключения мира на благоприятных для себя условиях, при том что Россия оставалась еще очень далека от желательных результатов, а султан «мыслит иметь миру», дабы «себе отдохновение учинить и связь христианских государей прервать»²⁰.

Увы, он был прав. Россия была соединена долгие годы со Священной лигой одним договором с Польшей, игравшей в союзе вторую скрипку. В 1697 году спохватились, и в феврале поспешно заключили союзный договор с Австрией и Венецией. Но он не содержал ключевого для Москвы пункта – обязательства заключать мир лишь с ее согласия; предусматривались только консультации с нею по ходу переговоров. В акте говорилось витиевато, но в то же время определенно: о турецких предложениях мира иным союзникам (России) полагалось «ведомо чинити, и купно всем тем разговором объяти и вместити и им обо всем, что ни есть делалось бы, от времени до времени ведомость чинити...»²¹. Обязательства согласовывать с Москвой условия мира союзники на себя не брали. После битвы при Зенте охотников продолжать войну с турками, помимо Москвы, не обнаруживалось, просьбы с российской стороны «позадержаться» с миром, чтобы «могли все довольство воспринять», не встречали отклика. Откры-

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887 С. 193–194

¹⁷ Там же. С. 199–201; Политические и культурные отношения... С. 11, 12, 16, 17

¹⁸ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 131

¹⁹ О посольстве см.: Соловьев СМ. История России с древнейших времен. Кн. 18. М., 1963. С. 542; Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в нач. XVIII в. М., 1971. С. 28; Письма и бумаги... Т. 1. С. 205, 209, 211, 213

²⁰ Там же. С. 210

²¹ Памятники сношений древней России с державами иностранными. Т. 8. СПб., 1867. С. 417

лась неприятная истина – Россию использовали, но с ее интересами не считались. Царь тщетно выразил надежду на то, что его просьбы «презренными» не останутся. В другой раз он заметил: «основание мира положено по воле цесарского величества», а следовало уточнить условия с общего совета всех союзников. Канцлер королевства Богемского, чешский аристократ граф Ф. Кинский разъяснил Петру, что цесарь влез «в великие долги», а «поляки и венеты ненадежны»²². Впрочем, посольство в объяснениях и оправданиях не нуждалось: Европа готовилась к очередному переделу сфер влияния, вошедшему в историю под именем войны за испанское наследство (1701–1714 годы). Французский король Людовик XIV, используя родственные связи своей давно умершей жены, собирался посадить на освободившийся престол Испании своего внука. Австрия, Англия, Нидерланды готовились выступить против, и не существовало силы, способной склеить заново Священную лигу.

С просьбой о личном свидании с кайзером Леопольдом Петру пришлось обращаться трижды, прежде чем он получил согласие. Австрийцы оговорили условия: четверть часа на беседу, но никаких дел, ими занимаются министры, лишь обмен любезностями. В зал монархи зашли с разных сторон, двинулись навстречу друг другу, остановились у окна и проявили живейший интерес к взаимному здоровью. Император не произвел на Петра впечатления: невысокий, хилый, дряхлый, с неприятно отвисшей нижней губой и преисполненный сознания собственного величия.

На конгрессе в Карловице (Сремски-Карловцы, 1698–1699 годы) российские союзники добились для себя серьезных итогов. Цесарь присоединил к своим владениям Центральную Венгрию и Трансильванию, Речь Посполитая – Подолию с крепостью Каменец, Венеция – Морею (южную часть Балканского полуострова), причем каждая страна заключила с Высокой Портой отдельный договор. Россия осталась если не в стороне, то на обочине конгресса. Партнеры охотно предоставили бы ей возможность продолжать войну с Турцией в одиночку. Понадобилось большое упорство со стороны думного дьяка П. Б. Возницына, чтобы добиться перемирия на два года на основе принципа ути посидетис (чем владеешь). А мечталось о многом. В качестве желательных условий «пристойного и во всех наших ползах и прибытках мира» значились: присоединение Керчи, прекращение татарских набегов, свобода торговли сухим путем и морем «до Константинополя и далее до Синопа и далее до Трапезона». Не были забыты и христианские народы: «Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоежь веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякого отягчения и лишних податей...»²³. Изменился весь баланс сил: христианская Европа из стороны обороняющейся превратилась в наступающую, мусульманская Турция перешла к обороне (хотя временами и в дальнейшем противоборстве добивалась успеха). С иллюзиями пришлось расстаться. Упомянутые выше материалы свидетельствуют об осознании стратегических задач российской политики на южном направлении на столетие вперед. Вице-адмирал Корнелий Крюйс обратил внимание посольства на желательность того, «дабы все корабли московские свободно и без помешательства... во все турские пристанища (порты) заходить могли»²⁴. Поскольку «пристанница» находились и на Средиземном море, Крюйс ставил вопрос о проходе судов через Босфор и Дарданеллы. Усилиями Возницына Турция признала вхождение Азова в состав России, но перемирие заключалось лишь на два года. Перед московской дипломатией встала задача добиться прочного мира, а внимание ее было отвлечено на север, где вырисовывалась перспектива укрепления позиций на Балтике.

Могущество Швеции тревожило соседей. Замаячила возможность сотрудничества с Данией, Польшей, Саксонией, Пруссией, с тем чтобы совместными усилиями если не изгнать,

²² Письма и бумаги... С. 257, 259, 261, 262, 260

²³ Там же. С. 295–299, 304–309

²⁴ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 5. М., 1948. С. 108

то хотя бы потеснить шведов в Прибалтике, да и в Германии. Из Москвы приходили вести о стрелецких волнениях, и Петр заспешил домой. Как он ни торопился, но все же задержался на несколько дней в Раве-Русской и Томашеве (Томашуве-Мазовецком) для свидания с курфюрстом Саксонским и королем Польши Августом II. Молодые люди приглянулись друг другу, пировали от зари и до зари, проводили смотры войск, Петр мастерски бил в драгунский барабан. Атмосфера загула создавала у окружающих обманчивое впечатление, они не сознавали, что в Раве-Русской в августе 1698 года были заложены основы союза трех стран, России, Польши и Саксонии, против Швеции. Петр был в восторге от нового друга. Август, прозванный Сильным, легко гнул подковы, на ниве галантных походов превзошел Дон Жуана, побочным детям его не было числа, его сын Мориц Саксонский стал маршалом Франции. Но сам Август был посредственным правителем, бездарным полководцем и вероломным союзником. Тщательно изучавший его деяния, а заодно и делишки Н. Н. Молчанов именовал его коронованным проходимцем. Знал бы царь о советах Августу его доверенного лица И. Р. Паткуля: надо «крепко связать руки этому могущественному союзнику (Петру), чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куска» (Лифляндию)²⁵. На август и ноябрь 1699 года пришлось заключение союзных договоров с Данией и Польшей, засим последовал указ о формировании 30 новых полков.

Но руки у царя были связаны: прежде чем заняться северными делами, следовало заменить зыбкое двухгодичное перемирие с Турцией солидной договоренностью. Нечего было и думать о войне на Балтике без обеспечения на юге от возможных ударов Порты. В Стамбул на переговоры снарядили опытного дипломата Емельяна Украинцева, в помощь ему дали дьяка И. Чередеева. Прибыли на место они 3 (14) сентября 1699 г. на корабле «Крепость». Девять месяцев длилось их «сидение» в османской столице. О программе максимум, включая обретение Керчи, россияне не заикнулись, и без того «мест протыкания», как тогда говорили, было предостаточно.

С потерей Азова турки смирились. Удалось избавиться от унижительной дани крымскому хану. Правда, ведущий переговоры с османской стороны грек А. Маврокордат, занимавший пост драгомана Порты, советовал «подарки» время от времени все же делать, пуская в ход странный для высокого турецкого сановника язык: «и псов кормят же, чтобы сыты были и голодом не издыхали». (Или в этом проявлялась его православная душа?) Попытка добиться свободы судоходства по Черному морю натолкнулась на жесткий отпор: «По Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится». Жаркий спор разгорелся вокруг днепровских городков, селений близ устья реки, занятых российскими войсками уже после взятия Азова. Обе стороны сознавали их большое стратегическое значение; отстояв их, Москва обеспечивала себе контроль над низовьями Днепра и плацдарм на подступах к Крыму. Емельян Украинцев пытался придать притязаниям оборонительную видимость: здесь сподручно задерживать татарские набеги. Турки возражали: еще сподручнее использовать городки для наступления на Крым, всего несколько переходов до Перекопа. Реис-эффенди говорил с «великим гневом»: султан никого на свете не боится, Аллах создал турок «со всеми творить войну и побеждать мечем». Произошла резкая перепалка. Территория, занятая городками, осталась за Османской империей, но они подлежали срытию, от Перекопа до Азова и от Запорожской сечи до Очакова сохранялись земли «пустые и порожние и всяких жильцов да лишены будут»²⁶. К концу «сидения» послы умаялись, их мучила жара и бесконечные проволочки турок. Много хлопот доставлял командир корабля «Крепость» П. Памбург, один из тех авантюристов, которые тогда стаями слетались

²⁵ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 302

²⁶ Богословский М. М. Указ. соч. С. 198, ПО, 113; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 252; текст Константинопольского мирного договора см.: Письма и бумаги... Т. 1. С. 368–376

в Россию. Прибытие в Стамбул он отметил пушечным салютом, перепугавшим обитателей сераля. Затем последовали стычки с поставщиками продовольствия на судно, которых Памбург пригрозил повесить на реях. С трудом совместными усилиями послов и турецких властей удалось вывести судно в устье Босфора, и выходки буйного капитана прекратились. А царь сгорал от нетерпения и требовал от Украинцева: «Токмо конечно учини мир, зело нужен»²⁷.

3 (14) июля 1700 года мир с турками на 30 лет был подписан. 6 (17) августа гонец с вестью о нем прискакал в Москву. На следующий день наспех собранная и плохо снаряженная армия двинулась в поход на Балтику, навстречу нарвскому поражению.

Петра неудача не обескуражила. Зимой он провел в лихорадочных трудах по восстановлению воинской силы. Невиданно быстро Россия начала брать реванш – уже осенью 1701 года обозначились крупные успехи Бориса Петровича Шереметева.

Тревожно складывались отношения с Высокой Портой. В Стамбуле не простаки сидели, прозвучавшие уже заявки на Керчь и свободу судоходства по Черному морю показывали, как далеко зайдут московские притязания. Соблазн воспользоваться занятостью Петра на севере и ударить в незащищенное южное подбрюшье России был велик. В Стамбул снарядили опытного и рассудительного мужа, ближнего стольника П. А. Толстого. Главное, что ему предписывалось в «тайных статьях», – разведать, «собирается ли султан государство в покое или в войне содержать». Путь его лежал через Молдавию. Господарь спросил его, можно ли ходатайствовать о принятии княжества в российское подданство. Толстой дал разочаровывающий ответ: «Невозможно принять и иметь его за подданного... потому что он подданный салтанский»²⁸.

Поощряя умеренных в диване, раздавая меха и золото, Толстой способствовал сохранению мира на южном порубежье. Рейс эфенди он поднес 40 соболей, присовокупив к ним совет – не слушаться адептов войны, Маврокордату – соболю шубу и 700 рублей деньгами, Шейх уль ислам заломил было дикую цену – 3 тысячи дукатов ежегодно, удалось сговориться на более скромной сумме. С помощью подобных средств, не представлявших тогда экстраординарными, удавалось рассеивать опасения, турки сидели смирно «скудости ради денежной и внутренних настроений».

А на севере творились великие дела. Ситуация в Турции резко изменилась в худшую для России сторону после Полтавской победы.

Проницательный Петр Андреевич объяснял причину в письме канцлеру Г. И. Головкину: «... Не изволь изумляться, что я прежде сего, когда король швецкой был в великой силе, доносил, что не будет от Порты противности к стороне царского величества. А ныне, когда шведы разбиты, сомневаюсь. И сие мое усумнение от того исходит, понеже турки видят, что ныне царское величество есть победитель сильного короля швецкого и желает скоро совершить свой интерес в Польше, а потом уже, не имея никакого препятствия, может начать воину и с ними, и с турками»²⁹.

Вскоре Толстой на собственном печальном опыте убедился в справедливости своих опасений. Укрывшийся в Бендерах после поражения Карл XII соблазнял диван шведской помощью и поддержкой своего ставленника на польском престоле Станислава Лещинского в случае турецкого столкновения с Россией. Крымский хан жаловался на оскудение после прекращения московской дани и рвался в поход. Мнение «мужей меча» возобладало. Шейх уль ислам в ноябре 1710 года дал фетву на войну с Россией. Тайного советника Толстого на дряхлой кляче провезли по всему городу и бросили в подземелье Семибашенного замка. Петр сил не жалел, пытаясь избежать войны. Он взывал к державам о посредничестве, соглашался на переход Карла через Россию в Швецию в сопровождении охраны в 500 человек, был готов отве-

²⁷ Письма и бумаги... С. 332, 310, 353

²⁸ Письма и бумаги... Т. 2. СПб., 1889. С. 30

²⁹ Там же. С. 164

сти войска от границы, лишь бы прийти к «приятному примирению». Уступки не помогали. В декабре крымская конница двумя лавами хлынула на Харьков и Левобережную Украину. Набег удалось отбить, но Петру пришлось расстаться с надеждой на мирный исход. В феврале 1711 года он нехотя подписал манифест о войне. Фельдмаршал Б. П. Шереметев получил приказ двинуться с армией в 40 тысяч штыков и сабель в Молдавию. Противник собрал вдвое большие силы, не считая крымской конницы.

* * *

Прутский поход задает историку много загадок: почему царь вместо искусной обороны ринулся в неведомую даль? Как полководец, он отличался осторожностью и предусмотрительностью. Всем памятны строки Пушкина о Полтавской битве:

Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон.
И смерть, и ад со всех сторон.

Менее известно язвительное высказывание Василия Осиповича Ключевского насчет «тридцати тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда двадцатисемилетний скандинавский бродяга», то есть Карл XII. Налет художественного преувеличения в этих словах чувствуется, но и большая доля истины в них есть. Петр целый год водил неприятеля по России, прежде чем дать генеральное сражение. Подходившие к Карлу подкрепления были разгромлены. Смерть на полтавском поле изрыгали всего 4 шведские пушки против 72 русских. Баталия уникальна в том смысле, что огонь вел лишь первая линия войск, вторая оставалась в резерве. Потери – всего (для такой битвы!) 4 тысячи человек. И исход Северной войны предопределен, Россия – великая держава! По сравнению с этим Прутский поход выглядит верхом непредусмотрительности.

Царя мучили предчувствия, А. Д. Меншикову он писал о «безвестном и одному Богу ведомом пути», в который он пустился. Именно тогда он учредил Правительствующий сенат и повелел: «Сенату всяк да будет послушен так, как нам самому». Он оформил церковным браком (пока еще тайным) свою многолетнюю связь с лифляндской крестьянкой Мартой Скавронской, ставшей в России Екатериной Алексеевной, заметив: «Еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли житие иметь»³⁰.

Представляется обоснованным мнение Н. Н. Молчанова: царя увлек поток просьб о помощи, доносившихся с Балкан и сопровождавшихся заверениями, что едва российское воинство вступит на погранные османами земли, как последует общий взрыв возмущения. Депутации в своих ходатайствах рисовали соблазнительную перспективу военной прогулки, «невероятно преувеличивая размеры освободительного движения и преуменьшая трудности, которые ожидают русскую армию. Рисовалась фантастическая картина, на которой предстоявшие события изображались так, что простого появления русских войск будет достаточно, чтобы турецкое господство было сметено всеобщим восстанием измученных сербов, черногорцев, болгар, молдаван и валахов»³¹.

Бояре и духовенство Дунайских княжеств давно стучались в российские двери. Валахский господарь К. Брынковяну имел в Москве своего уполномоченного Г. Кастриота, который уверял: достаточно войска численностью в 3–4 тысячи человек, чтобы добиться освобождения.

³⁰ Павленко Н. Н. Петр Великий. М., 1990. С. 41; Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 283

³¹ Там же. С. 281

«Просим, чтобы государь Российский принял нас под свою державу в подданство». На Валахию зарится Вена, но, клялся Кастриот, «все мы готовы соединиться и будем прославлять имя всемирного самодержца, Российского государя, а не цесарское»³². Думный дьяк П. Б. Возницын, пользовавшийся доверием Петра, полагал: «Если б дойти до Дуная, не токмо тысячи, тьмы нашего народа, нашей веры, и все миру не желают». В вышедшей в 1703 г. в Бухаресте книге «Догматическое учение восточной церкви» Петр именовался «императором всея Великие и Малые и Белые Руси и многия других земель на Востоке и Западе отчич и дедич». Иерусалимский патриарх Хрисанф взывал к царю (1707 год): «...Весь православный народ, под владением туранским обретающийся, пребывает в великой бедности, скорби и нужде и нигде не обретет утешения и отрады, кроме как по Бозе уповает без замедления видеть освободителя своего, нового Моисея, ваше непобедимое и державное величество»³³.

3 (14) марта 1711 года Петр обратился с примечательным манифестом к балканским христианам, отражавшим уровень знаний российской элиты о положении южных славян, молдаван, валахов, греков, их роли в завязавшемся противоборстве с Османской империей. Начиналось обращение с идеологического обоснования свержения «ига тиранского турецкого салтана, понеже турки варвары, христианской церкви и православной веры гонители, многих государств несправедливо завоеватели и многих церквей и монастырей разорители», которые как «волцы овец расхищали и стадо христианское разоряли, и толикие христианские провинции в подданство несправедливо привели, яко донныне тиранством и мучением оные разоряют и в поганскую магометанскую веру насильно приводят».

Далее следовала основная часть: весной он намерен «противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и сильным оружием в средину владительства его входить и утесненных православных христиан, аще Бог допустит, от поганского его ига освободити». Завершался манифест призывом ко всем «добрым, чистым и кавалерским сердцам», «презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но и последнюю каплю крови пролити.» И тогда, с Божьей помощью, «Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество, в пески и степи аравийские»³⁴, хотя тюркские племена появились совсем из иных степей и песков, среднеазиатских. Нельзя не сказать все же, что поставленная задача – изгнание турок из Европы – ни в малой степени не соответствовала силам и возможностям России, поглощенной войной со Швецией. Манифест уместно сопоставить с двумя другими появившимися тогда документами, и тогда проступят контуры политической линии России на много десятилетий вперед. 15 (26) апреля, находясь в Луцке, Петр подписал «Диплом и пункты» молдавскому князю Димитрию Кантемиру, выразившему желание «со всею землею и народом» встать под протекцию Москвы.

Царь выразил на то свое согласие: принц «с сего времени под защищением нашего царского величества, яко верным подданным надлежит, и вечно». Пункты, по имеющимся данным, составил сам Кантемир, и они отвечали чаяниям молдавской элиты: вся правительственная власть оставалась у князя, и по «прежнему обыкновению да имеет, без всякого возобновления законов их». Престол становился наследственным в роде Кантемиров³⁵. Так проявилась черта, ставшая традиционной для России, – уважение к законам, нравам, обычаям, образу жизни, культуре присоединяемых народов. В другом обращении, от 8 (19) мая, Петр свидетельствовал: «В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель, городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем». Здесь явно прогляды-

³² Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 472–474

³³ Лещиловская И. И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 49, 50; Camariano N. A. Mavrocordat, le grand drogman. Thessaloniki, 1970. P. 85

³⁴ Политические и культурные отношения... С. 29–30

³⁵ Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 1. М., 1962. С. 172–176, 363

вала мысль о территориальной насыщенности России. Далее следовал важнейший постулат о возрождении, под российским покровительством, попранной османскими завоевателями государственности балканских христиан: «Позволим под нашею протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержа их яко под протекциею нашею»³⁶.

Очевидно, «Диплом и пункты», пожалованные Димитрию Кантемиру, Петр считал моделью будущих отношений со всем христианским миром Балкан.

А оттуда поступали ободряющие вести. Господарь Валахии Константин Брынковяну обещал выставить 20-тысячную армию, появившись русские на Дунае. Кантемир хотел примкнуть к ним с 10-тысячным отрядом и обещал снабжать их продовольствием. В соратники записывались «австрийские сербы». От них поступали жалобы на «кривды» властей и просьбы – иметь их «за своих подданных и верных», сопровождавшиеся заверением, что сербы «всегда готовы служить против Бусурман без всякой платы жалованья, никакого ружья не требуя, за одно православие»³⁷. Однако ссориться с новым римским цесарем Иосифом I было в высшей степени неблагоприятно, с ним хотелось бы заключить союз, и Посольский приказ прошения о подданстве пропускал мимо ушей. Черногорцы всем миром заверяли: они готовы «за церковь святую восточную, нашу мать, и за святые места, за православие, а наипаче за тебя, великого государя... вси военным на неприятеля идти и души свои положить». Петр взбодрился, «в уши царя и его главнокомандующего со всех сторон жужжали о страхе османов перед русскими войсками»³⁸.

В действительности все пошло вкривь и вкось. 30 мая (10 июня) войска Шереметева переправились через Днестр и вступили на молдавскую землю. В Яссах их встретили колокольным звоном, господарский совет принял присягу царю. Но множились тревожные признаки. Страшная жара предвещала засуху, фельдмаршал известил Петра: хлеба достать невозможно. Не удалось предотвратить переправу главных сил великого везира Мехмеда Балтаджи-паши через Дунай, как то предусматривалось планом кампании. Турки заподозрили князя К. Брынковяну в измене, тот оробел и не решился двинуться навстречу русским, заявив им, что они промедлили с выступлением и освободили его от принятых обязательств.

На военном совете с участием Петра обсуждался вопрос: не повернуть ли назад? Роковое решение принял он. Войска отправились вниз по течению реки Прут, окруженные роем неуловимых крымских всадников. У местечка Станилешти войска были окружены. В «Истории свейской войны» царь определял свои силы в 38 246 человек и еще 5 тысяч молдавских добровольцев, у турок – 120 тысяч плюс 75-тысячная крымская конница³⁹. 9 (20) июля последовала атака янычар, отбитая с тяжелыми для них потерями. Но в осажденном лагере – ни хлеба, ни воды, и солнце палило беспощадно. Царь отправил к Балтадже-паше подканцлера П. П. Шафирову, опытного и выдержанного дипломата. Петр шел на серьезные уступки, что свидетельствовало о его душевном состоянии. Он полагал, что османы не оставят своими заботами шведов и включат соответствующие пункты в свои требования. Он готов был расстаться не только с Азовом и Таганрогом, но и почти со всеми завоеваниями в Прибалтике, лишь бы оставить доступ к Финскому заливу с Петербургом. В случае нужды он соглашался уступить Псков и «иные провинции». 11 (22) июля он отправил Шафирову в османский лагерь записку: «...Ставь с ними на все, что похотят, кроме шклафства» (рабства, плена); «И дай нам знать

³⁶ Там же. С. 226–227

³⁷ Кочубинский А. Сношения России при Петре с южными славянами и румынами. М., 1872. С. 25–27

³⁸ Орешкова С. В. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971. С. 96; Кочубинский А. Указ. соч. С. 41; Молчанов Н. Н. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 83

³⁹ Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 2. М., 1964. С. 36

конечно сего дни, дабы свой десператный путь могли, с помощью Божьей, начать» (в случае турецкого отказа решено было прорываться)⁴⁰.

Балтаджи-паша о настроении царя не знал, Шафиров благоразумно выслушал его претензии и, отталкиваясь от них, повел торг. О шведских интересах везир не упомянул, турки не желали выступать гарантами будущего российско-шведского урегулирования, шалый Карл XII доставил им немало хлопот своими интригами, они стремились сбить его с рук. 12 (23) июля Шафиров подписал мир, немедленно утвержденный царем. По Прутскому договору Россия теряла Азов, обещала скрыть Таганрог и Каменный Затон, отказывалась от вмешательства в польские дела и гарантировала безопасный проезд Карлу в Швецию⁴¹.

Король, живший недалеко, в Бендерах, узнав о замирении, вскочил на коня и прискакал в турецкий лагерь, когда последние русские полки, под барабанный бой, выходили из окружения. Перед шатром Балтаджи-паши разыгралась драматическая сцена. Карл, топая ногами, требовал дать ему под начало 20 тысяч янычар, и он приведет царя Петра пленным. Паша невозмутимо отвечал, что Коран запрещает подчинять мусульман неверному.

При медлительности тогдашних сообщений балканцы не скоро узнали о произошедшей на реке Прут трагедии. Повстанческое движение охватило Старую Сербию, Герцеговину, Северную Албанию. 18 (29) августа консул в Венеции А. Ф. Бопус сообщал: «Из негромон-танов (то есть черногорцев. – *Авт*) собралось до сего времени с лишним десять тысяч». От событий он отстал и полагал: «Ежели крепкие наши войски через Дунай пройдут, то учинятся по всей Румелии, Македонии и Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общего врага христианов»⁴².

Но «крепкие войски» сражались в Финляндии, Прибалтике, Польше, Германии, далеко-далеко от Дуная. Канцлер Г. И. Головкин просил балканцев не играть с огнем и воздержаться от военных действий. Черногория подверглась нашествию армии Нумана-паши и опустошению.

* * *

Жесткие для России условия Прутского мира предстояло еще отстоять в Константинополе. Далеко не всех в султанском диване удовлетворяли его положения, военная партия боролась со склонявшимися к компромиссу. Балтаджи-паша получил отставку, был предан смерти – задушен шелковым шнурком, что не предвещало ничего хорошего. В качестве заложников на берега Босфора отправились П. П. Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева Михаил, спешно произведенный из полковников в генерал-майоры. Султан Ахмед III дважды объявлял России войну, единожды демонстративно отправился в Адрианополь, традиционное место сбора османской армии. Трех несчастных, П. А. Толстого, П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева, то бросали в казематы Семибашенного замка, то освобождали. «Ветеран», Толстой, провел в общей сложности 17 месяцев в «сырой темнице, зело мрачной и смрадной», а потом в «малой избе». Карл XII и союзная ему французская дипломатия интриговали без устали. По словам Шафирова, они «мечутся как бешеные собаки денно и ночью всюду, для того я вынужден ныне последние силы и умишко употреблять».

В конце концов сторонники компромисса в Стамбуле одержали верх, и Константинопольский договор 1714 года подтвердил основные условия Прутского мира, включая обязательство Москвы обеспечить безопасное возвращение Карла в Швецию. Последнее показывало, что турки устали от его интриг и стремились от него избавиться.

⁴⁰ Там же. Т. 11. Вып. 1. С. 562–571, 617

⁴¹ Текст Прутского договора см.: Там же. С. 322–323

⁴² Письма и бумаги... Т. 11. Вып. 1. С. 423–424

Тихо покинуть Бендеры король не пожелал, и султан Ахмед «обратил свой гнев» на него. Турки, по свидетельству Шафировова, требовали отъезда монарха «по варварскому обычаю сурово, но король по своей солдатской голове удалой» решил сопротивляться⁴³. С сотней приверженцев, со шпагой в руке, он вступил в схватку с тысячной массой противников, потерял несколько пальцев, половину уха и сдался. Тайно, под чужим именем, через Венгрию, Австрию и Германию, в сопровождении одного спутника он вернулся в Стокгольм. А 15 лет назад он оставил Швецию во главе 60-тысячного, лучшего в Европе войска.

Остается поклониться перед отечественной дипломатией, достигшей, по оценке Н. Н. Молчанова, того, что казалось невозможным, обеспечившей мир на юге.

И по-человечески, и с государственной точки зрения понятно, почему Петр старался уменьшить размер постигших страну и его лично бед. Он пытался сгладить впечатление от прутской трагедии и у соотечественников, и за рубежом, и слегка подредактировал русский текст договора: «достигнут мир, хотя и не без печали». Отечественная историография, следуя по стопам царя, склонна рассматривать неудачу в молдавской степи как осечку: «Что касается России, то для нее война с Турцией была прежде всего досадным эпизодом Северной войны, отвлекшим ее от борьбы за Балтийское побережье»⁴⁴.

Если сводить перспективы российской внешней политики к одному балтийскому направлению, подобная оценка справедлива, но если подходить к ее развитию с позиций многовариантности, то в нее необходимо внести коррективы. Выход к Балтике давал стране многое, но не все. Будущее сельского хозяйства лежало на неосвоенном черноземном юге, и не по замерзающей Балтике следовало вывозить зерно за рубеж. Освоение же причерноморского плодородия с логической неизбежностью и с математической точностью должно было повлечь новые столкновения с Высокой Портой.

Если же подходить с позиций многовариантности к перспективам стратегической направленности внешнеполитического курса, то Прутский мир отбросил Россию на южном направлении к рубежам конца XVII века. Страна лишилась выхода даже к мелководному Азовскому морю, выстроенные в Воронеже с великими трудами корабли сгнили.

Понадобилось полвека и две кровопролитные войны, чтобы добиться отмены всех тягостных условий договора.

Планы освобождения Балкан пришлось отложить в долгий ящик. Но контакты с населявшими их народами продолжались, правда, на более низком уровне. В 1715 году в Петербурге побывал митрополит Данила Петрович-Негош, являвшийся не только духовным, но и светским главой Черногории, с ходатайством об установлении протектората над страной и предоставлении ей денежной субсидии. И на то, и на другое он получил согласие. Установленная тогда субсидия, по началу скромная, выплачивалась чуть ли не двести лет и являлась своего рода гарантом фактической независимости Черногории.

Тогда же началось переселенческое движение балканских христиан в Россию. Мужчины-новопоселенцы записывались в гусарские полки. В январе 1715 года Петр издал указ об отводе молдавским, валашским и сербским солдатам и офицерам земель в Киевской и Азовской губерниях и выдаче им жалования (капитанам – по 60 рублей и 60 четвертей ржи и овса в год, рядовым – соответственно того и другого по двенадцати). На тревожном порубежье сохранялось административное деление на полки, жители несли службу. В 1723 году последовал новый указ с призывом к сербам вступать в гусарские полки. Но в следующем году налицо был один полк неполного состава—175 солдат и офицеров: сербов, молдаван, болгар, венгров, македонцев. Австрийские власти неохотно отпускали своих подданных на зарубежную службу. Таково было скромное начало переселенческого движения с Балкан в Россию.

⁴³ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 362, 303

⁴⁴ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 288; Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 136

Мучительно тяжелым выдался путь армии домой, каждый день она оставляла 600–700 трупов на дороге. Уцелело 13 тысяч человек – из сорока тысяч, переправившихся через Днестр в мае. Измученный Петр отправился в Карлсбад залечивать телесные и душевные раны.

Глава II

На подступах к Балканам

После замирения с Турцией Петр погрузился в германские дела и застрял в них все-рез и надолго. Закономерным являлось его стремление «врасти» в европейскую политическую систему, встать твердой ногой на Балтике, пошатнуть здесь еще сильные позиции Швеции. Но что касается избранных средств...

Петр разворошил немецкий «запоздалый феодальный муравейник, суетливый и в большинстве бедный, донельзя переродившийся и перессорившийся». Лучше В. О. Ключевского не скажешь. Удовлетворив притязания одних, царь ссорился с другими. Помимо крупных стран – Пруссии, Саксонии, Дании, Польши – он вовлек в Северный союз Курляндию, Мекленбург и Гольштинию. Ключевскому принадлежат злые слова, в которых, однако, содержится доля горькой истины: после Полтавы Петр разменялся «на саксонские, мекленбургские и датские пустяки, продлившие девятилетнюю войну еще на двенадцать лет»⁴⁵.

Царь с азартом предавался брачной дипломатии. Сына Алексея он женил на принцессе Шарлотте Вольфенбюттенской, племянницу Екатерину Иоанновну выдал замуж за герцога мекленбургского Карла Леопольда, впутавшись, по замечанию Н. Н. Молчанова, «серьезно и несчастно в бесконечные немецкие дразги»⁴⁶. Союзники алкали вознаграждений, и русские солдаты сражались, сражались, сражались.

Обнаружилось, что «друзья» ничуть не меньше врагов боялись установления российской гегемонии на балтийском побережье. Лондонский кабинет пришел к выводу, что молодая Россия здесь куда опаснее старой Швеции. Столкнувшись с угрозой коалиции против него в составе Великобритании, Голландии и Дании, Петр вывел войска из Мекленбурга. Прежний конфидент Август II Саксонский и Польский не откликнулся на призыв прекратить гонения на православных в Речи Посполитой и предложил царю удалить оттуда российскую армию, дабы не навлекать на поляков шведское нашествие. В марте 1716 г. Петр направил Августу неслы-ханный в дипломатии документ, «меморию досад». Герцог Карл Леопольд оказался немецкой разновидностью самодура; встречались, оказывается, и такие. Он рассорился с дворянством, император Карл VI засадил его в темницу, Екатерина Иоанновна вернулась к матери, царице Прасковье. Сам кайзер в бессилии наблюдал, как Петр, без его ведома и согласия, хозяйничал на севере Германии, мирил и ссорил фюрстов и вместо шведского влияния устанавливал здесь собственное. Отношения с Австрией испортились несмотря на наличие с ней общих интере-сов, прежде всего в отношении борьбы с Турцией. Обе страны были заинтересованы в подрыве французских позиций в Польше и Швеции. В 1718 году дело дошло до разрыва дипломатиче-ских отношений между Веной и Петербургом, к счастью длившегося всего два года, – и здесь, и там пришли в себя.

Возвращаясь к резкому высказыванию В. О. Ключевского, стоит задаться вопросом: может быть, вместо того, чтобы десять лет бултыхаться в немецком омуте, стоило прибегнуть к стратегии прямого удара по Швеции через Финляндию? Ведь следующая война со Сток-гольмом выдалась краткой (1741–1743 годы), сравнительно малокровной и победоносной для российского оружия. А успех двуглавого орла в Скандинавии сказался бы и на балансе сил в южной Прибалтике.

⁴⁵ История внешней политики России. XVIII век. М., 1997. С. 37; Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. М., 1989. С. 6; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 256

⁴⁶ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 334

Пока его царское величество занималось распутыванием бесчисленных немецких узлов, соперники спешно и успешно решали дела балканские в свою пользу.

В 1714 году Высокая Порта, решив, что Габсбургская монархия достаточно измотана участием в войне за испанское наследство (1701–1714 годы), решила перейти в наступление. Первый удар был направлен по владениям более слабой Венецианской республики. Не прошло и года, как ее власть на юге Балканского полуострова пала. Однако попытка перенести военные действия на Ионические острова успехом не увенчалась. Центральным островом Корфу османы завладеть не могли. 9 (20) августа 1716 года разразившаяся на море буря разметала турецкие суда, молва приписала это покровительству святого Спиридона христианам. Существовала, однако, и земная причина поспешного бегства турок из прибрежных вод: к острову на всех парусах спешили корабли Неаполя, Испании, мальтийских рыцарей и папского престола. И главное, вмешались австрийцы. Великий полководец Евгений Савойский советовал кайзеру Карлу VI откликнуться на мольбы венецианцев о помощи и вмешаться в войну с далеко идущими целями – освободить всю Венгрию, занять устья Савы и Дуная, установить свой контроль над всем течением великой реки. В апреле 1716 года союзный договор с Венецией был возобновлен.

Принцу Евгению и пришлось осуществлять поставленную задачу. 5 августа в битве у Фрушка-Гора он разгромил армию великого везира Али Дамада. О размерах турецкого поражения говорят трофеи – 176 знамен и 5 бунчуков. В октябре ему на капитуляцию сдалась крепость Темешвар (Тимишоара). Зимой тогда не воевали, полководец отправился в Вену и был восторженно встречен жителями. Покинул он столицу в мае 1717 года, в разгар празднеств по случаю рождения эрцгерцогини Марии Терезии. Никто тогда не предполагал, что девочку ожидает великое будущее.

Цесарское войско насчитывало 100 тысяч солдат и офицеров. Принц, по его словам, «слегка растерялся»: «на ловлю счастья и чинов» к нему слетелись 24 князя, не считая многочисленных дворян рангом ниже со всей Европы.

В середине июля принц Евгений осадил Белград. Но в городе – 30-тысячный гарнизон, в августе к Белграду подошла армия великого везира Халила-паши. Утром 16 августа Евгений Савойский стремительной атакой обратил в бегство турецкое воинство, которое побросало артиллерию, обоз и даже везирскую канцелярию. Гарнизон не успел сделать вылазку и через несколько дней сдался на капитуляцию. Императорские войска, почти не встречая сопротивления, заняли Сербию и большую часть Боснии.

Самое бы время и Петербургу вмешаться, но...

21 июля в сербском городе Пожаревац был подписан крайне выгодный для Австрии договор: к ней отошли Банат с Темешваром, Северная Сербия с Белградом, Западная Валахия (Олтения). Мир предусматривал охрану христианских святынь в Палестине. Подписанная тогда же торговая конвенция предоставляла подданным кайзера право торговли во всех османских владениях при умеренной ввозной и вывозной пошлине (3 %). Партнерами на бумаге и бедными родственниками на деле в переговорах выступали венецианцы, поскольку сражаться во имя возвращения незадачливым союзникам утраченных ранее земель кайзер не пожелал. Республика святого Марка лишилась Морей и некоторых островов Ионического архипелага.

Вена торжествовала, она фактически в одиночку нанесла поражение Османской империи и прочно утвердилась на Балканах. Савойского пышно чествовали, папа Климент XI преподнес герою усыпанную драгоценными камнями шпагу, а народ распевал песню «Принц Евгений, благородный рыцарь».

* * *

Тяжкая судьба выпала на долю Петра в последние годы жизни. Мучили его не только болезни. Сын Алексей, считал он, предал его дело, а к отступникам царь пощады не знал. В августе 1716 года тот получил отцовское распоряжение – принять участие в десантной операции в Швеции. По пути Алексей скрылся в австрийских владениях (местечко Вейсбург – крепость Эренберг) и наконец осел в Неаполе. Кайзер Карл, его свояк (оба были женаты на сестрах, принцессах Волфенбюттенских; правда, Алексей был уже вдовцом), ему покровительствовал. П. А. Толстой по поручению царя выследил беглеца и выманил его обещанием прощения (что подтверждали собственноручные письма царя). В январе 1718 года Алексей вернулся на родину⁴⁷. Последовал процесс; судить об обоснованности и правомерности предъявленных ему обвинений в государственной измене бессмысленно: царевича 6 раз водили в застенки, 6 раз подвешивали на дыбе и истязали кнутом, и «злой умысел» был доказан. 127 высших сановников послушно подписали приговор о предании Алексея смертной казни. Впрочем, в этом не было нужды: 28 июня 1718 года Алексей «преставился» якобы самостоятельно⁴⁸.

Царь, несомненно, расчищал путь к престолу маленькому Петру Петровичу, но жизнь не щадила Преобразователя: Петруша умер в 1719 году, не дожив до четырех лет. Царь, по тогдашним понятиям, достиг преклонного возраста, думы о судьбе державы после его ухода мучили Петра. А вокруг трона – пустота, никто из людей, связанных с ним кровными узами, не обладал искрой Божьей.

В 1722 году император издал длинный и нудный «Устав о наследии», который В. О. Ключевский с полным основанием именовал злополучным⁴⁹. Его содержание можно изложить кратко: монарх волен назначать себе преемника по своему усмотрению. За подобным заявлением следовало ожидать имя наследника – иначе в чем был смысл указа? Петр не назвал никого: кандидатов, заслуживавших подобной чести, не существовало. У подножия трона возник плацдарм для столкновения интересов и игры страстей. Только полной безысходностью можно объяснить появление подобного акта.

В 1724 году произошло еще одно труднообъяснимое событие: Петр с помпой провел коронацию супруги Екатерины Алексеевны.

Для участия в церемонии образовали специальный элитный эскадрон кавалергардов, прижимистый царь обложил города специальным налогом – по полтине с каждого – на проведение торжеств. Но в том же году его постиг новый удар: обнаружилась амурная связь жены с красавцем камергером Виллемом Монсом, младшим братом Анны, его любовницы в юные годы. Петр был скор на расправу, Виллем расстался с жизнью на эшафоте. Верный денщик Алексашка превратился в фельдмаршала, светлейшего князя и герцога Ижорского Александра Даниловича Меншикова, и по совместительству первого казнокрада империи, состоявшего под следствием. «Меншиков в беззаконии зачат, в гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой, и, если не исправится, быть ему без головы», – отзывался император о бывшем любимце⁵⁰.

Кольцо одиночества вокруг Петра Великого сомкнулось.

⁴⁷ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 179

⁴⁸ Там же. С. 197

⁴⁹ Ключевский В. О. Русская история. Т. 3. М., 1983. С. 102

⁵⁰ Там же. С. 48

* * *

Преобразователь скончался под утро 28 января 1725 года в страшных мучениях, и трон стал игрищем противоборствовавших вельможных клик. Наступила пора «случайностей» на престоле (выражение В. О. Ключевского), «птенцы гнезда Петрова» шли стенка на стенку, титана у власти сменили пигмеи. Братья Долгорукие выступали за воцарение малолетнего Петра, сына царевича Алексея; Меншиков и Толстой, лютые враги убиенного, прямо причастные к его гибели, выдвинули кандидатуру императрицы Екатерины Алексеевны, ссылаясь на ее коронацию. Спор решился в их пользу, дворец окружили войска, подчинявшиеся Меншикову как главе военной коллегии.

Скоро стало ясно: бывшая портомоя (прачка) Марта Скаврнская в государственных делах ничего не смыслит и управлять не может. Появился Верховный тайный совет, выполнявший «роль костыля, без которого императрица не могла ходить»⁵¹.

Екатерина государственные интересы путала с семейными и заявляла, что всем пожертвует ради любимой дочери Анны, выданной замуж за герцога Гольштинского Карла Фридриха. Сей последний жаждал вернуть в свое владение Шлезвиг, отторгнутый у него коварными датчанами, и, разумеется, с помощью русских штыков и пушек. На Балтике принялись снаряжать эскадру, на сухом пути – готовить 40-тысячный экспедиционный корпус. А за Гольштинией виднелась британская тень. В мае 1726 года на рейде Ревеля (Таллина) появилась англо-датская эскадра в 31 вымпел. Верховный тайный совет обсуждал вопрос о затоплении, в случае нужды, своих кораблей в порту, сопротивляться плавающей армаде не было возможности. В 1727 году британские паруса вновь появились на Балтике. Но после смерти Екатерины идея о походе на Данию скончалась сама собой.

Конфуз произошел и с другой акцией – с попыткой утвердиться в Курляндии, где Анна Иоанновна пребывала во вдовствующем положении после кончины супруга, герцога Фридриха Вильгельма от неумеренных возлияний. Объявился претендент на престол в Митаве в лице побочного сына польского короля Августа II, Морица Саксонского, красавца и донжуана (о его полководческих талантах никто тогда не подозревал). Он явился в Курляндию, предложил Анне Иоанновне руку, благоразумно умолчав о сердце. Вдова млела от восторга и просила российский двор дать согласие на брак. Мориц времени не терял, сумел понравиться местному дворянству и был избран на престол.

В Петербурге с опозданием спохватились, что Курляндия на глазах уплывает к Польше. Объявился и собственный кандидат в курляндские герцоги в лице ненасытного А. Д. Меншикова. В Митаве, однако, он встретил холодный прием: не немец, не лютеранин, да и герцог уже избран.

Верховный тайный совет решил прибегнуть к силе и изловить Морица. Окружили замок, где он предположительно ночевал. В одном из окон появилась закутанная в плащ фигура, которая начала спускаться по веревочной лестнице. Будучи схваченной, она оказалась особой женского пола.

Тогда было решено снарядить в Митаву целую военную экспедицию во главе с генералом П. Ласси. Мориц, однако, заблаговременно скрылся, оставив преследователям сундук с любовными письмами разных дам и девиц. Бегство пошло ему на пользу: вместо прозябания в захолустной Митаве он превратился в маршала Франции, победителя сражения при Фонтенуа (1745 год). Но и цель Петербурга была достигнута. Курляндией продолжали управлять потомки гроссмейстера Ливонского ордена Кетлера, российское влияние в ней окрепло⁵².

⁵¹ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. М., 1997. С. 58

⁵² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 10. М., 1993. С. 35; Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 114–115

Россия после смерти Петра переживала нелегкие времена. Произошел колоссальный рост ее могущества и роли в международной жизни. Но какой ценой? Ни одна держава не может воевать почти сорок лет без ущерба для себя. Е. В. Анисимов констатирует: «Петр разорил собственную страну для создания новой армии»; «истощение народного хозяйства, сотни тысяч беглых на Дон и в Польшу, опустевшие деревни, гигантские недоимки в сборах налогов, бунты и мятежи – такова картина страны в конце петровского царствования»⁵³.

Правительство поспешило снизить подушную подать с 74 до 70 копеек в год, простило недоимки, вернуло из ссылки политических заключенных. Попытка сократить военные расходы не удалась, навести порядок в ведомстве, руководимом Меншиковым, помешала императрица. Как деликатно выразился П. А. Толстой, обнаружилось «несоответствие»: ведомству удалось отчитаться о расходовании только 10 миллионов рублей из выделенных 17 миллионов, но никто не потребовал наказать царицына любимца.

В наследии Петра оказались излишества внешнеполитического плана. Завоеванные в персидском походе 1722 года провинции (Астрабад, Гилян, Мазандаран, Дербент, Баку) стали тем жерновом на шее, который государству тащить было не под силу, налоги там не собирались, жители разбегались, войска (10 пехотных и 7 кавалерийских полков) маялись в непривычно жарком климате. Возникла уникальная ситуация: Верховный тайный совет мучился над вопросом – как бы избавиться от завоеванного? Казалось бы, нет ничего легче: вернуть Ирану. Но тот воевал с Высокой Портой, и неудачно для себя, так что добыча могла оказаться у Османской империи, от чего избави боже! Поэтому передача Персии земель растянулась на десять лет. В 1735 году российская армия вернулась на рубежи реки Терек.

Заботили и европейские дела. После победы в Северной войне и заключения в 1721 году Ништадтского мира распался союз с Данией, Польшей, Саксонией, Пруссией. Российского могущества соседи боялись, способствовать его наращиванию не желали, смерть Петра встретили со вздохом облегчения, перестав ощущать его тяжелую руку. В Копенгагене, сообщал посланник, при вести о кончине императора «подлые с радостью опились было». Россия очутилась в малоприятном положении международной изоляции. Выход из нее виделся в заключении союза с ведущей европейской державой. Выбор не случайно пал на Австрию. А. И. Остерман в обоснование этой ориентации писал о совпадении «натуральных интересов» двух государств, и первым среди них называл «убавление турецких сил»⁵⁴. Мнение о неотвратимости движения на юг, к Азову, и дальше, к морю, укоренилось в политическом сознании.

Остерману, который в течение 15 лет фактически возглавлял Коллегию иностранных дел (канцлер Г. И. Головкин фигурой крупного масштаба не являлся), принадлежит важная заслуга – разработка внешнеполитического курса послепетровского времени. Он, по замечанию Г. А. Некрасова, усвоил «основные элементы внешнеполитической системы» Преобразователя⁵⁵. Андрей Иванович сочетал в себе добродетели и пороки века Просвещения, был образован, начитан, знал несколько языков. Он принадлежал к тем иностранцам, для которых Россия стала не второй, а единственной родиной, в жены взял девицу из семейства Стрешневых, пустил в стране корни. Взятки он не брал, и, невиданное дело, отказывался даже от традиционных щедрых подношений по случаю заключения международного договора, обладал умом острым и аналитическим. И в то же время он был честолюбив, тщеславен, мстителен, склонен к интриге и нажил себе множество врагов. «По трупам соперников уверенно и медленно продвигался к власти ловкий Остерман», – писал Н. И. Павленко⁵⁶. Ответственности и связанной с ней кары он боялся в такой степени, что его привычка «заболевать», когда нужно было

⁵³ Анисимов Е. В. Женщины... С. 35; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 152

⁵⁴ Анисимов Е. В. Россия без Петра... СПб., 1994. С. 107, 122; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 243, 67

⁵⁵ Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739. М., 1976. С. 307

⁵⁶ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 312

ставить подпись под «опасной» бумагой или принимать нежелательного посетителя, вошла в поговорку. У него случались даже «провалы в памяти», если вспоминать надлежало нечто неприятное.

Именно Остерман подал в 1725 году в Верховный тайный совет записку из рода тех, что ныне именуются ситуационным анализом, в которой ратовал за долгий и прочный союз со Священной Римской империей германской нации (Австрией). Общность интересов двух стран он находил прежде всего на турецком направлении. За плечами Габсбургской монархии – два века сопротивления османской экспансии в Европе, и в Вене были убеждены: счёты с турками еще не сведены. Даже коронационная присяга римского цесаря содержала пункт о борьбе с «неверными»⁵⁷.

Незадачливую Екатерину на троне сменил недоросль Петр II, который с упоением предавался охоте, свора его собак насчитывала 600 голов. К государственным делам он интереса не проявлял, да и годы были не те. Затем произошло сказочное вознесение на престол Анны Иоанновны, жизнь которой прежде складывалась уныло и убого в провинциальной Митаве с постоянными унижительными просьбами о деньгах.

Говорить о государственном кругозоре полуграмотной Анны Иоанновны беспредметно, не то ее интересовало; губернаторы по ее распоряжению разыскивали карлиц, стариц и шутов поболтливее: монархиня страсть как любила сплетни. Находила царица время и для знакомства с протоколами страшной Тайной канцелярии, куда людей волокли при малейшем оскорблении величества. Анна Иоанновна обладала богатырской статью, твердой рукой и метким глазом. Отсюда – страсть к охоте. Но поскольку выезжать в чистое поле или в лес было лень, она палила из окон загородных дворцов по несчастному зверью, которое тогда водилось в изобилии. Ее трофеи впечатляют: за один 1739 год – 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волк, 374 зайца и 608 уток. Немалое подспорье к дворцовому столу!

Перемены на троне не влияли на основы внешнеполитического курса. Оно и к лучшему: ничтожества, его занимавшие, были способны разве что поставить подпись под нужной бумагой. Делами занимались государственные мужи из Петрова гнезда, внешняя политика не осталась без руля и ветрил. Отечественная историография, избавившись от синдрома обязательной сокрушительно-разгромной критики всего, что было связано с самодержавием, обнаружила в царском окружении людей крупного масштаба, способных здраво взвесить и определить геостратегическое направление политики государства. По свидетельству немецкого историка М. Шульце-Весселя, «даже в период мнимого упадка русской внешней политики в Петербурге учились рационально формулировать и отстаивать собственные интересы, политически взаимодействуя с европейской системой государств»⁵⁸. Опасения «с той стороны» насчет российского могущества свидетельствовали о его наличии.

В июле 1726 года был подписан союзный договор с Австрией, в котором стороны гарантировали неприкосновенность своих владений. Его «секретнейший артикул» предусматривал взаимопомощь в случае турецкого нападения на одну из держав. Е. В. Анисимов именует его «осью Петербург – Вена», придавшей устойчивость российскому внешнеполитическому курсу⁵⁹. Но сконцентрировать все внимание на его южном направлении не удавалось, сумятица европейской политической жизни отвлекала внимание в разные стороны. Кайзер Карл VI, которому природа не подарила сыновей, заботился прежде всего о передаче всех своих многочисленных владений дочери Марии Терезии, издав для сего Прагматическую санкцию. Объектом поползновений с разных сторон после смерти в 1733 году Августа II стала Польша.

⁵⁷ Bain R.N. The Daughter of Peter the Great. St. Clair Shores, 1969. P. 110; Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 253

⁵⁸ Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999. С. 8

⁵⁹ Некрасов Г. А. Указ. соч. С. 97–102; Анисимов Е. В. Женщины... С. 119

Встребенулся прогнанный Петром с престола Речи Посполитой Станислав Лещинский, пользовавшийся покровительством Парижа. Магнаты и шляхта отнеслись положительно к кандидатуре Лещинского, который уже четверть века сидел на французских хлебах. По причинам, до сих пор не ясным историкам, да и оценке с точки зрения здравого смысла не поддающимся, в жены 15-летнему королю Людовику избрали 22-летнюю Марию Лещинскую, по понятиям того времени уже старую деву (при наличии 80 девиц, родители которых домогались избрания дочерей!). А королеве надлежало быть потомком владетельного монарха, а не нахлебника, что придавало дополнительный стимул стремлению Парижа утвердить Станислава на Варшавском троне и усугубляло без того сложные проблемы между Россией и Речью Посполитой. Последняя предлагала себя на роль барьера на пути России в Европу, отказывалась признать императорский титул за ее монархами, уклонялась от гарантии российских приобретений в Прибалтике, а тут еще перспектива появления в Варшаве французской марионетки!⁶⁰ Кабинет министров пришел к выводу: Станислав – «русскому государству отъявленный неприятель, так тесно связан с французскими, шведскими и турецкими интересами, что, кроме злых поступков, ожидать от него ничего нельзя». Анна Иоанновна обратилась к кардиналу-примасу с предостережением: «Ни мы, ни другие соседние державы избрания оного Станислава или иного какого кандидата, который в той же депенденции и интересах быть имел... никогда допустить не можем»⁶¹. Предупреждение не подействовало, тревожному сигналу не вняли. Лещинский тайно, переодетый приказчиком, пробрался на родину. 11 сентября 1733 года на рыцарское коло в Варшаву собралось 60 тысяч конников в блестящих доспехах, и сейм избрал его королем. Сплочению депутатов немало способствовало парижское золото, щедро рассыпанное перед сеймовыми послами.

Но 4 тысячи раскольников, и среди них фигуры влиятельные – епископ Познанский, князья Радзивиллы, Любомирские, Сапег, графы Огинские, – переправились через Вислу и, под сенью 20-тысячной армии фельдмаршала П. П. Ласси, высказались в пользу кандидатуры саксонского курфюрста Августа. Лещинский «во всякой скорости», как писали русские источники, бежал в Данциг (Гданьск) под защиту крепостных стен и в ожидании французского флота. Тот прибыл, но не в нужном числе кораблей, и быстро покинул балтийские берега. Лещинскому пришлось бежать в Пруссию, переодетый, для разнообразия, в крестьянское платье. И уже делом техники и больших финансовых вливаний явилось утверждение на престоле Августа III. Как свидетельствовал российский посланник Г. И. Кейзерлинг, в Варшаве слова и представления «суть пустые чаши, которые, если золотом не наполнены, у поляков впечатления и звука не производят»⁶².

Вена с сочувствием следила за российскими операциями в Польше, но сама была поглощена войной с Францией, столь неудачной, что кайзер Карл VI просил о российской поддержке. Армия П. П. Ласси стала готовиться к походу на Рейн. Напрасно. В результате мирных переговоров Габсбурги потеряли Неаполь и остров Сицилию, перешедшие к испанским Бурбонам.

Опасность подкрадывалась с юга. Высокая Порта нервно реагировала на российские успехи в Польше и вспомнила о подзабытом Прутском договоре, запрещавшем России вмешиваться в польские дела. Везиры изматывали резидентов Н. Н. Неплюева и сменившего его А. А. Вешнякова требованиями о выводе российских войск из Польши. И тот, и другой имели соглядатаев и в диване, и во французском посольстве, которые за мзду держали их в курсе дел. Столкновение с Турцией удалось отсрочить до 1735 года. В мае Порта предписала Крымскому хану двинуться с 70-тысячной ордой через Кавказ в Персию, с которой у нее шла война. Кон-

⁶⁰ Некрасов Г. А. Указ. соч. С. 216

⁶¹ Анисимов Е. В. Россия без Петра... С. 396; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1963. С. 332

⁶² Соловьев С. И. Сочинения. Кн. 11. М., 1993. С. 366–367

ница должна была пройти и по землям российской короны. То была реакция на возвращение Персии завоеванных ранее Петром I земель и одновременно открытый вызов Петербургу.

В августе 1735 года передовой отряд генерала Леонтьева двинулся к Крыму, но до Перекопа так и не добрался. Полили дожди, в октябре выпал снег, пало 3 тысячи лошадей, и Леонтьев повернул назад. Еще теплилась надежда, что удастся ограничиться крымской экспедицией и избежать столкновения с османским войском. Однако А. А. Вешняков своими шапкозакидательскими реляциями способствовал разжиганию воинственных настроений: «...теперь турки совершенно другие, сколько прежде они были воодушевлены духом славы и свирепства, столько теперь малодушны и боязливы, все как будто предчувствуют конец своей незаконной власти, и да сподобит Всевышний ваше величество ее искоренить»; «Теперь самое полезное время не только к сломлению зверской гордости, но и к окончательному ниспровержению всего этого незаконного сонмища». Все выходило гладко на бумаге: «Так как Турция находится в крайней слабости, то от вашего величества зависит повелеть войскам идти прямо на Константинополь: как скоро они вступят в Буджак, то тамошние татары покорятся. Молдавия и Валахия поднимутся непременно. По переходе через Дунай и овладении магазинами встанет и остальное население, отягченное и разоренное до такой степени, что домов своих отступается; христиане поднимутся по всей Греции, останется напугать Константинополь и заставить бежать султана; для этого достаточно несколько морских судов повести к каналу (к Босфору. — *Авт*) и высадить тысяч двадцать войска...».

Тем горше оказалась действительность⁶³.

Весной 1736 года приступили к осаде Азова. Обложили город и с суши, и с воды. 19 июля комендант, не ожидая приступа, сдал город на капитуляцию. После этого фельдмаршал Б. Х. Миних предпринял поход на Крым. Перекопские укрепления удалось преодолеть быстро, защищавших их татар перебили или пленили. Войско вырвалось на просторы полуострова, мирное население бежало, оставляя в аулах запасы и пожитки. Миних торжествовал и извещал Анну Иоанновну: «Мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать». Но благодать продолжалась недолго. Под Бахчисараем произошло сражение, полгорода сгорело, включая ханские палаты. Больше организованного сопротивления степняки не оказывали, но роем вились кругом. Войско страдало от жары, конский состав нес потери от бескормицы (татары сожгли всю траву по дороге в Кафу (Феодосию), и Миних повернул назад, к Перекопу. Военный совет решил: ввиду распространения болезней, нехватки воды и падения лошадей отступать к Днепру, разорив предварительно перекопские укрепления «до подошвы»⁶⁴.

На полководца обрушились критики: зачем повел войска на авось, понадеявшись захватить запасы у неприятеля? Почему изматывающие марши совершались в дневной зной, а не в прохладную ночную и предрассветную пору? Зимой Миних провел, отвечая многочисленным оппонентам и оправдываясь.

Ограничиться операциями в Крыму не удалось. Весной 1737 года турки форсировали Днепр выше Переволочны, разгромили стоявший там заслон, но были отбиты с большими потерями. Основные военные действия развернулись летом. Войска под командой Миниха совершили переход через выжженную татарами степь, в пыли и пепле, к крепости Очаков. Военный совет решил брать ее с ходу, чтобы неприятель не успел подтянуть подкрепления. 1 (12) июня началась бомбардировка города, продолжавшаяся ночью. Запылали пожары. Полководец половину своих полков подвел под самые стены, чтобы отвлечь турок от тушения огня, что и удалось. И тогда он решился на штурм. Наступающие не смогли преодолеть глубокий и широкий ров, со стен на них сыпались пули и камни, полки дрогнули и подались назад.

⁶³ Там же. С. 382, 406–407

⁶⁴ Там же. С. 308–309

Далее источники расходятся в описании событий. По одним данным фельдмаршал пришел в отчаяние, шпага выпала у него из рук и он воскликнул: «Все пропало!» По другим, он, человек крутой и жестокий, велел открыть по отступавшим пушечный огонь⁶⁵. Страшный пожар делал свое дело, взорвался пороховой склад, в крошечном аду несколько тысяч пеших и конных турок бросились к морю, к кораблям, их перехватили и истребили, а казаки и гусары ворвались в город, воспользовавшись не запахнутыми в панике воротами. Сераскер выкинул белый флаг, прося пощады. Турки понесли урон в 10 тысяч человек, 5 тысяч сдались в плен. Миних послал в Петербург победную реляцию, а сам отправился вверх по реке Буг. Отошел он всего на 40 верст. Солнце жгло беспощадно, в степи пылали пожары, реки обмелели, вода в них позеленела и стала непригодной для питья. И фельдмаршал уже в августе стал распускать армию на зимние квартиры. А в октябре под Очаковым появились турки, подкрепленные татарской конницей. Гарнизон их атаки отбил, и неприятель отступил от крепости под проливными дождями.

Другой фельдмаршал, П. П. Ласси, провел кампанию в Крыму, ворвавшись туда в начале июля. Близ Карасу-Базара он встретил татар во главе с ханом и разбил их. Ласси двинулся дальше, разрушая и сжигая, по тогдашнему обычаю, все на своем пути. Действия неприятеля большого урона не наносили, но томили зной, жажда и бескормица для конского состава. В конце июля командующий повернул назад, оправдываясь тем, что желает сохранить армию.

Союзную Австрию втянули в войну за уши, император Карл VI был поглощен семейными делами: 19-летнюю красавицу дочь он выдал замуж за герцога Франца Лотарингского, следовало обеспечить ее богатым наследством в виде власти над всеми габсбургскими владениями. Посланник Л. Ланчинский жаловался по поводу медлительности цесарцев в военных действиях, а те ссылались на истощение казны после неудачной войны с Францией. Лишь в мае 1737 года императорские войска выдвинулись к границе, а уже в июле Ланчинский бил тревогу – его подопечные «мира алчно жаждут», с трудом они наскребли денег на одну кампанию, да и та обернулась неудачей.

Операции происходили на сербских землях. Кайзер Карл обратился к «турецким христианам» с воззванием, обещая им свободу вероисповедания и привилегии в своих владениях; командование издавало манифесты, в которых посулы перемежались с угрозами. Митрополит Нови-Пазара Евфимий Дамианович сообщал в Петербург, что сербам предлагали подняться «противу турка под кондициями: послушающим воздаяния милостивого восприятия, непослушающим же – разорение и смерть наряду с неприятелем»⁶⁶.

Восстание охватило Старую Сербию (Косово), Северную Албанию, населенную в основном католиками, частично Герцеговину. Повстанцам удалось взять Нови-Пазар, но на том успехи и кончились. Турки зашли в тыл цесарской армии, та отступила и из Косова, и из Боснии, и начались расправы над сербами. По слухам, кайзер Карл в горечи воскликнул: «Неужели принц Евгений унес с собой в могилу счастье моей империи?»⁶⁷.

Патриарх Арсений Иоаннович извещал царицу: сербский народ «как с оружием, так и с пищею, армии потребною, восстал. И ежели бы изменническим фельдмаршалским и подобных ему прельщены не были, то сами б народы наши в Сербии, Албании и вольные не только из Сербии, Боснии и Албании, но изо всей Македонии... собственным своим оружием турок прогнали. Яко же в нынешней войне большее число турок от оружия сербского, нежели от немецкого пропали». В итоге же сербы «злою и окаянною смертию от турков пострадали», 12 тысяч душ «мужеска и женска пола... иные вырублены, иные же в полон введены»⁶⁸. Иоанно-

⁶⁵ Russel F. Russian Wars with Turkey. L., 1877. P. 21

⁶⁶ Анисимов Е. В. Россия без Петра. С. 420; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. М., 1984. С. 105, 104

⁶⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 10. С. 459

⁶⁸ Политические и культурные отношения... С. 98, 99, 106

вичу вторил митрополит Евфимий Дамианович: 6 тысяч душ его паствы, «от турецкого меча кровию своею защитившееся и избавившееся, в мнимое утешение цесарских границ прибе-гохом, или же скитаемся в крайней бедности, и уже 9 месяц томимы голодом, и смерти зрим прежде времени»⁶⁹. Так что и эмиграция не сулила спасения.

Уже не первая трагедия, связанная с австро-турецкими войнами, приводила к горькому разочарованию в державе Габсбургов и усиливала тягу сербов к России.

По настоянию Вены в августе 1737 года в Немирове открылась конференция, громко названная конгрессом. Российские уполномоченные – а ими были персоны первого ранга П. П. Шафиров и кабинет-министр А. П. Волынский – заявили, что поскольку во всех ссорах виноваты татарские народы, между двумя империями обитающие, и прочный мир в подобной ситуации недостижим, то ради водворения спокойствия надлежит утвердить российскую власть в Крыму, на Кубани и в причерноморских землях, «до реки Дуная лежащих». С той же благородной целью следует превратить Молдавию и Валахию в вольные княжества под покровительством императрицы, а также удовлетворить притязания цесарской стороны, которые Шафиров и Волынский уточнять не стали⁷⁰. Выдвинутые требования ни в малой степени не соответствовали скромным успехам на поле боя и были турками отвергнуты (а тут еще приспели вести, что П. П. Ласси оставил Крым). Создается впечатление, что несоразмерные претензии были предъявлены в расчете завести совещание в тупик и побудить австрийского союзника продолжать войну. Уполномоченный цесаря граф Остейн выдвинул более умеренную программу: для России – Очаков, Кинбурн, кубанские и ногайские земли, для Австрии – замирение на условии *uti possidetis* (чем владеешь).

Натолкнувшись на сопротивление, Шафиров и Волынский согласились оставить Крым Османской империи с тем, однако, чтобы перекопская линия укреплений была скрыта. Молдавия и Валахия в новых требованиях вообще не упоминались. Граф Остейн предлагал присоединить к Австрии город Ниссу и часть Сербии. Османские представители сочли неуместным приступать к обсуждению выдвинутых предложений и 10 октября покинули Немиров⁷¹.

Кампания 1738 года сложилась для союзников совсем неудачно. Движение к Днестру остановил не враг, а заразные болезни. Моровая язва косила солдат и офицеров. «Нет кормов в достаточном количестве, везде глухие и пустые горы и буераки, – жаловался Миних, – а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, и потому нельзя знать подлинно, где достать воды и фуражу и миновать трудных дефилей». Началось отступление со всеми сопутствующими бедствиями. Ядра топили в Днестре, орудийные лафеты разбивали на куски, которые оставляли на дороге. Из Очакова и Кинбурна, превратившихся в очаги заразы, вывели остатки гарнизонов, предварительно разрушив стены крепостей.

Не улыбнулась удача и фельдмаршалу Ласси. Его корпус перешел через Сиваш и добился капитуляции защитников Перекопского вала. Но двинуться в глубь полуострова Ласси не решился: татары заманят в безводные степи, где солдаты и офицеры обретут смерть от жажды, а конский состав падет от бескормицы.

Император Карл потерял к войне всякий интерес. Он чувствовал приближение смерти, и все его помыслы были направлены на то, чтобы передать дочери Марии Терезии австрийское наследство. Началось вымогательство российской помощи, и немалой. Австрийцы запрашивали корпус в 20 тысяч человек, который, вопреки традиции, отказались содержать за свой счет. До отправки войск дело не дошло. Союзная армия проиграла все сражения, и Вена пошла на мировую.

⁶⁹ Там же. С. 98–99

⁷⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 420; Некрасов Г. А. Указ. соч. С. 258

⁷¹ Там же. С. 423–425

Кампанию 1739 года российская армия проводила фактически в одиночку, цесарцы терпели сплошные неудачи, «увенчавшиеся» сдачей Белграда. Османы торжествовали и предавались бахвальству: «Враги стали добычей меча правоверных», и скорби по павшим воинам Аллаха и их женам: «Много храбрых мусульман, мужчин и женщин, покинули сию юдоль слез и отправились в мир иной» вкушать там «сладкий шербет мученичества»⁷².

Российское командование наконец-то решило нанести удар на главном, балканском направлении. Армия Миниха переправилась через Днестр и подошла к крепости Хотин. Невдалеке, у местечка Ставучаны, он встретил сераскера Вели-пашу с 90-тысячным войском. Позиции неприятеля представлялись неприступными: впереди – речка с болотистыми берегами, по правую руку – поросшая густым лесом гора, по левую – глубокие буераки, позади – крепость. Миниху оставалось атаковать по фронту. Он одержал победу и обратил турок в бегство при минимальных потерях – всего 100 человек убитыми и ранеными⁷³. Явственно проявилось превосходство обученной по-европейски армии над средневековым войском. Гарнизон Хотина сложил оружие.

На молдавской земле православное воинство встретили как освободителей. Еще раньше, в 1737 году, высшее духовенство и боярство княжества обратились к императрице Анне Иоанновне, прося избавить их от «тяжкого и тиранского ига турецкого» и привести в российское подданство, поскольку османы замучили их «суровостью варварскою, ругая чистую и непорочную нашу православную веру, и другими тягчайшими и несносными утеснениями»⁷⁴.

Делегация бояр и церковного клира встретила Миниха в тех местах, где в 1711 году произошла трагедия, и вручила командующему петицию царице: «Мы себя повергаем в высочайшую вашего императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни, протекцию, и ее справедливые соизволения за наши законы приемлем».

Впервые после Прутского похода россияне пришли в соприкосновение с «турецкими христианами» и убедились, что имеют в их лице опору. Миних высказал Анне Иоанновне свои соображения: «Понеже здешняя молдавская земля преизрядная и не хуже Лифляндии, и люди всей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию со слезами, и поэтому весьма потребно ту землю удержать...»⁷⁵. Осуществить выказанные в петиции пожелания оказалось за пределами возможностей царской власти. В армию пришло, по словам Миниха, «нечаянное и печальное известие» о заключении австрийцами с Высокой Портой «мира стыдного и весьма предосудительного». Посланник Л. Ланчинский не смог воспротивиться «мирной неготиации» и в своих депешах изъяснялся отнюдь не дипломатическим языком: «Вскрылось зло гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами поправа»⁷⁶. Австро-турецкая сделка завершилась подписанием мира, по которому Вена рассталась со своими владениями в Сербии и Валахии.

Дезертирство союзника с поля боя и нависавшая угроза войны со Швецией побудили Петербург спешить с замирением. По причинам, которые умом не понять и аршином здравого смысла не измерить, посредником в переговорах избрали французского посла в Стамбуле Л. Вильнева, который свел итоги долгой, трудной и под конец победоносной войны почти что к нулю. Россия вернула себе Азов, но без права укреплять его; земля к югу от крепости, гласил Белградский трактат (сентябрь 1739 года), «имеет остаться пустая и между двумя империями

⁷² Соловьев С. М. Указ. соч. С. 428; Whitman S. Austria. L., 1898. P. 295. History of the War in Bosnia in the Years 1737–1739. L., 1830. P. 19

⁷³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 443

⁷⁴ Виноградов В. Н., Семенова Л. Е. Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII и начале XIX века // Балканские народы и европейские правительства. М., 1982. С. 21–22

⁷⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 454

⁷⁶ Там же. С. 450

барьером служить будет». Особо оговаривалось, «чтобы Российская держава ни на Азовском, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла»⁷⁷

⁷⁷ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 31, 34

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.